

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**Бонус
для
монсеньора**

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

Бонус для монсеньора

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Бонус для монсеньора / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Женщины! Занимайтесь домашним альпинизмом со страховкой! Кира взялась мыть окна и... очень неудачно рухнула на пол. А разогнуться и встать на ноги смогла лишь благодаря врачу-кудеснику Ивану Алексеевичу. Доктор, вообще, оказался горазд на чудеса: его пациенты вдруг стали исчезать в неизвестном направлении один за другим. Вот и сам Иван Алексеевич пропал, успев предупредить Киру, чтобы та срочно уезжала из города, иначе ей грозит беда. Дурдом, да и только! Но подруг Киру и Лесю голыми руками не возьмешь: девчонки быстро докопаются, кто и зачем похитил старичков-пациентов и малохольного лекаря. Если их самих не украдут...

© Калинина Д. А.

© Эксмо

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Калинина

Бонус для монсеньора

В погожий летний день в городском парке было привычно много народу. Мамаши, катившие коляски или ведущие за ручки своих оставшихся на лето в городе чад, чтобы те хоть немногодохнули свежего воздуха, двигались шумными стайками в направлении детских площадок.

Фанаты здорового образа жизни вели себя тихо. Эти охотники за ультрафиолетом лежали прямо на травке, облепив каждый свободный пятачок возле заросшего густым кустарником пруда.

Эти две группы в разгар рабочего дня составляли основную массу посетителей парка. Мужское население города, естественно, было представлено весьма умеренно. Встречались молодые люди, ничем не занятые, явно слоняющиеся по дорожкам парка без определенной цели.

Один из таких молодых людей уже в третий раз прошелся по уединенной аллейке, косясь по сторонам голубым глазом. Вид у него при этом был подозрительно беспечный. Юноша демонстративно поглядывал на облака, на яркое небо, кроны деревьев и изо всех сил старался, чтобы со стороны казалось, будто его и в самом деле интересуют красоты природы. Но кулаки в карманах его просторных светлых брюк были судорожно сжаты. И весь юноша был напряжен, словно сжатая пружина.

Услышав за спиной топот быстрых ног, юноша испуганно обернулся, но тут же успокоился. Бегун, его ровесник, обменялся с юношей понимающим взглядом. И, не останавливаясь, помчался дальше. А пробегая мимо стоящей с краю аллеи скамейки, одним движением подхватил с нее небольшую серую сумку.

– Эй! – вскочил со скамейки хозяин украденной сумки – седенький, но еще бодрый старичок. – Стой! Стой, ворюга! Поймаю, шею намылю! Кости переломаю!

Разумеется, грабитель и не думал останавливаться. Но бежал уже не так быстро, нагло разглядывая на ходу содержимое сумки. И наконец презрительно фыркнув, отшвырнул сумку в кусты. Выдержать такую наглость старичок не смог, и он, резво перебирая сухими ногами, заспешил за молодым вором. Тот ждать разгневанного обладателя сумки для разбора полетов не стал. И резко свернув с дорожки, словно испарился.

Старичок, кряхтя и хватаясь за сердце, в конце концов достиг того места, где вор избавился от улики. И немного покопавшись, извлек свою сумку из кустов.

– Вот подлец! – прошептал он, перебирая содержимое сумки и убеждаясь, что ничего не пропало.

Да, странное дело, но в самом деле ничего не было украдено. Даже бумажник с тремястами рублями и мелкой мелочью оказался на месте. То ли вор его впопыхах не заметил, то ли просто побрезговал столь незначительной суммой. Удовлетворенно вздохнув, старик покачал головой и всмотрелся туда, где скрылся грабитель. Конечно, того и след простыл. Все так же покачивая головой, дед побрел обратно к своей скамейке.

Но дойдя до нее, он замер, глядя на нее с раскрытым от недоумения ртом. А потом, в сердцах шваркнув своей многострадальной сумкой оземь, возопил, гневно потрясая в воздухе сухонькими, крепкими кулачками:

– Украли! Да что же это делается! Да что же это за день сегодня такой! То сумку хотели увести. А теперь доску сперли! Ну, люди! На две минуты отвернулся, а они уже успели сработать! И кому могли понадобиться мои шахматы?!

Ответ на этот вопрос ему мог бы дать юноша с лазоревым взглядом, еще недавно прогуливающийся по аллее. Но он был уже далеко. И, спеша унести ноги от места удачно проведен-

ной им с приятелем операции, радостно прижимал к груди оттопыривающуюся рубашку, под которой гроыхала шахматная доска со всеми полагающимися к ней фигурами.

Резкий звонок в дверь вывел пожилую женщину из состояния глубокой задумчивости. Она с трудом оторвала взгляд от застарелого пятна на ковре, к которому так и этак подбиралась уже давно. Но пока что оно стойко сопротивлялось всем имеющимся в распоряжении хозяйки чистящим средствам. И вот сегодня женщина собиралась попробовать на строптивом пятне новый «Ваниш». Реклама уверяла, что он справляется со всеми видами загрязнения. Женщина не очень-то верила рекламе. Но обозленная собственным бессилием в борьбе с проклятым пятном, все же купила с пенсии недешевое средство.

– Иду, иду! – немного раздраженно откликнулась она. – Кто там?

За дверью стояла соседка. Ее визит несколько изумил пожилую женщину. Да что там, она откровенно оторопела. С этой особой, получившей при рождении звучное имя Аполлинария, они практически не общались, ограничиваясь при встречах сдержанными приветствиями. Причин было несколько. Аполлинария любила выпить, водила знакомства с подозрительными личностями мужского пола и алкоголической наружности и была жуткой сплетницей. Но главное – обе женщины чисто интуитивно недолюбливали друг друга.

И вдруг этот визит. Что ей нужно?

– Полина? Ты чего пришла? – брякнула хозяйка квартиры, не сообразив даже поздороваться с незваной соседкой.

– За солью к тебе пришлось обратиться, – запела Аполлинария сладким до приторности голосом. – Оладушками с яблоками решила побаловаться. Тесто замесила, соду кефиром погасила, хватилась, а соли ни крупинки. Одолжи, а? А то сода перестоится. Пышного теста не получится. Дашь соли, а?

– Заходи, – машинально произнесла хозяйка.

Она была хорошей женщиной. И отказать в такой ерундовой просьбе просто из вредности не могла. Поэтому, не тратя времени на слова, прошла в кухню. Соседка проследовала туда за ней, не переставая болтать. Получив пакетик с солью, уходить она не торопилась. Хозяйка слушала ее трескотню, крепясь изо всех сил. Нечищенное пятно все настойчивей звало ее из дальней комнаты. А эта надоеда все не уходила.

– Слушай, Полина, – наконец не выдержала хозяйка. – Тесто у тебя не перестоится, а?

– Чего? – разинула та рот, сбившись с темы о больной терьерихе с третьего этажа, которая гуляет с молодой, которая отхватила себе женатого мужика, увела его из семьи с двумя девчонками-малолетками, а теперь собирается сама родить ему ребенка, но уже мальчика – наследника. – Какое еще тесто?

– Для которого ты соль брала! Для оладий!

– А-а-а! Тесто. Спасибо, что напонила. Да, правда, перестоится. Пойду, пожалуй.

С облегчением захлопнув дверь, хозяйка поспешила к своему пятну. Но она была бы немало удивлена, если бы немного задержалась у двери и взглянула в глазок. Аполлинария и не думала возвращаться домой. Она шмыгнула вниз по лестнице, где одним пролетом ниже ее поджидал молодой человек с задумчивым и чуть брезгливым выражением лица.

– Принесли? – спросил он у Аполлинарии, и его голубые глаза сверкнули огоньком нетерпения.

– А деньги?

– Вот!

Он передал женщине несколько бумажек. Та пересчитала деньги. И удовлетворенно хмыкнув, задрала кофту. Затем без всякого стеснения задрала длинную юбку и извлекла из-за резинки панталон шахматную доску.

– Это она? – с недоверием посмотрел молодой человек на появившийся из столь странного места трофей.

– Та самая! В прихожей лежала! Все, как вы и сказали!

Молодой человек удовлетворенно кивнул.

– Хозяйка ничего не заметила?

– Где уж ей! – заржала очень довольная Аполлинария. – Ничего она не заметила! Клуша рассеянная! Поверила, что я в самом деле олады затеяла печь. Дура она и есть дура! Такую обмануть одно удовольствие.

На этом они и расстались. Молодой человек заспешил прочь. А довольная сделанной гадостью Аполлинария вернулась к себе. Пьянчужке и в голову не пришло, что она только что совершила уголовно наказуемое деяние – кражу чужого имущества. Да не просто кражу, а еще и отягощенную предварительным сговором с сообщником.

Но ничего подобного Аполлинария не подумала. Она приятно и с пользой потратила полученные за свое преступление деньги в ближайшем винном магазине.

Совсем молоденькая девушка, почти девочка, сжимала в руках телефонную трубку и, опасливо поглядывая по сторонам, шептала в нее:

– Алло, Витенька, это ты? Как я рада, что ты позвонил! Ты прямо чувствуешь, когда позвонить нужно. Ну, да, ушли! Все предки свалили! И дед ушел! Какая тебе разница, куда? В гости они все ушли. А я нет. Я больной сказала. Придешь? Господи, да не болею я ничем! Специально так сказала, чтобы мы увидеться могли!

Разумеется, против такой активной позиции не мог устоять ни один молодой человек. Неизвестный Витенька не оказался исключением. Он пришел уже через десять минут, чем несколько озадачил девушку.

– Вроде бы ты говорил, что в Купчино живешь. Как ты так быстро добрался?

– А я не дома был. Тут рядышком.

С этими словами юноша со светло-голубыми глазами вручил девушке маленький букетик ландышей.

– Ой! – взвизгнула девчонка. – Мои любимые! Сейчас только в воду их поставлю.

И схватив из серванта вазочку с узким горлышком, она унеслась на кухню, крикнув Вите:

– Ты пока располагайся.

Спровадив девушку на кухню, Витя и не думал идти за ней следом. Вместо этого он шмыгнул к двери. Воровато выглянул из комнаты. И через коридор проник в другую комнату. Тут он также не задержался. И быстро выскочил, прижимая к груди какой-то прямоугольный сверток.

Вернувшись в комнату с вазочкой в руках девушка с недоумением огляделась. Комната была пуста. Между прочим так же, как и вся квартира. Пока она возилась на кухне, устраивая ландыши поживописней, таинственный Витенька потихоньку испарился. Огорченная девушка попыталась позвонить ему, но абонент неизменно оказывался недоступен.

Девушка проплакала до самой ночи, когда из гостей вернулись ее родители и дед. Впрочем, красное лицо и слезящиеся глаза не вызвали у них особых подозрений.

– Видать, тебя и в самом деле развезло, – только и сказал дед, озабоченно покачав головой. – Хорошо, что с нами не пошла. Лежи себе. Отсыпайся. Вы – молодые, у вас все быстро проходит.

И с этими словами он пошел к себе в комнату. И тут же выскочил обратно.

– Ленка, ты мои шахматы куда дела?

– Какие шахматы, дедуль? – слабым голосом поинтересовалась внучка.

– Мои шахматы!

– Не трогала я их! Зачем они мне?

Дед недоуменно почесал в затылке.

– Не трогала, говоришь? – повторил он. – Ладно, у матери твоей спрошу. Может быть, она их переложила.

Нет, мать девочки тоже шахмат не трогала и отец тоже не трогал. Дед битых два часа маялся в поисках неведомо куда запропастившейся доски с шахматными фигурами. Родители Лены ему активно помогали в поисках, видя, как старика всего трясет от волнения. Сама Лена, продолжая притворяться больной, тихо лежала под одеялом. У нее было свое мнение, куда могли запропасться шахматы. Но оно выглядело настолько диким, что прямо в голове не укладывалось.

Однако факт оставался фактом. Посторонних в квартире кроме ее нового знакомого – Вити, с которым она познакомилась вчера возле дома, не было. И его таинственное бегство как нельзя точнее совпадало с дедовой пропажей. Однако, уже смирившись с мыслью, что ее новый знакомый обыкновенный вор, понять его логику Лена все равно не могла. Ведь, кроме шахмат, в доме больше ничего не пропало. Ни дорогие фарфоровые фигурки, ни серебряные подсвечники – ничего. Только шахматы, которые лежали у деда в комнате. Да еще не на виду, а в ящике его письменного стола.

– Зачем ему была нужна эта доска? – недоумевала девушка. – И эти дерьмовые шахматы?

Сама она потихоньку от рыскающих по квартире родителей и деда еще несколько раз набрала телефонный номер, который уже успела выучить получше таблицы Менделеева. Бесполезно! Витя, украв шахматы, не желал объяснить обманутой им девушке, какого черта ему это было нужно.

В доме сорок восемь было хорошо все. Удобный светлый подъезд с консьержем. Широкая чистая лестница с чугунными перилами, старательно имитирующими старинное литье. И квартиры, и обитатели их были под стать подъезду. Ни одного маргинала, ни одного голодранца, весь подъезд заселяли исключительно уважаемые семьи.

От воров их защищал консьерж. Это была не какая-нибудь там ветхая бабуса, а настоящий охранник. С кобурой на боку и полным домашним иконостасом наград за победы в рукопашном бое.

Бытовые условия тоже были великолепны. Дом обслуживался солидной фирмой, которая регулярно меняла трубы, проверяла состояние крыши и выполняла все пожелания жильцов по модернизации дома.

Единственное, чего можно было бы опасаться, – это пожар. С противопожарной сигнализацией в доме было плохо. Она была старая и явно ненадежная. Обитатели квартир давно подумывали о том, чтобы заменить ее. Но во время ремонта в подъезде об этом никто не позаботился. Поскольку населявшие его люди в глубине души были все же русскими. Вот и жили они по известной пословице: «Пока жареный петух в одно место не клюнет, мужик не перекрестится».

И вот случилось. То самое, втайне ожидаемое. Весь подъезд неожиданно окутали клубы густого и какого-то очень вонючего дыма. И в дверь двадцатой квартиры судорожно забарабанили.

– Пожар! Эвакуируемся, граждане! Срочно! С собой только документы и деньги.

Перепуганные обитатели выскочили на лестничную клетку. А в квартиру тут же ворвался дюжий пожарник в шлеме и с огнетушителем в руках. Пробыл в квартире он недолго. И выбежав обратно, оповестил перепуганных жильцов:

– Опасности возгорания в вашей квартире нет. Ищем дальше! Однако во избежание беды побудьте пока на улице!

Никто и не подумал его послушаться. Закрыв за собой квартиру, встревоженные люди выскочили на улицу. Из подъезда продолжал валить густой дым. Но по мере того как шло время, клубы становились все слабее. И постепенно совсем исчезли.

– Погасили! – с облегчением возвестил консьерж, ошивавшийся поблизости.

В данном случае лично его происходящее не касалось. И потому он мог себе позволить поглазеть на пожар.

После отбоя тревоги все обитатели вернулись в дом, немного недоумевая, куда могли деться все пожарные. Во дворе не было и пожарной машины. Однако подъезд в их доме был сквозным. Возможно, пожарные подъехали с улицы? Это было бы им даже удобней. Но проверять свои догадки никто из жильцов не собирался. Довольные тем, что все обошлось, люди вернулись к нарушенному образу жизни, на разные голоса благодаря отряд и хваля его оперативную работу.

И никого из жильцов не заинтересовала небольшая продолговатая металлическая палочка, изрядно воняющая и валяющаяся за мусоропроводом на уровне второго этажа. Ну что поделаешь, не было среди жильцов дома пиротехников. А то бы они объяснили людям, что металлический цилиндр скорее всего является обычной «дымовухой», которую подожгли, и та заполнила всю лестницу удушающими клубами дыма.

Стало быть, никакого пожара не было и в помине. А пожарный, который бродил по дому с огнетушителем в руках, мог преследовать любую цель, но только не тушение несуществующего огня.

Единственным ущербом от этого странного «пожара» явилась еще более странная пропажа из квартиры номер двадцать деревянной шахматной доски вместе с резными фигурами. Версию о том, что она сгорела в пламени, пришлось отбросить сразу же. Где в таком случае хотя бы горсточка пепла или золы. Ее не было. Но тем не менее факт оставался фактом – шахматы пропали. И исчезли они бесследно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из открытого настежь окна доносились какие-то дребезжащие и странно тревожащие душу звуки. Услышавшие их прохожие, ежились и торопились уйти подальше от дома, в их сердцах надолго поселялось загадочное чувство, словно они только что стали свидетелем чего-то в высшей степени отталкивающего. Хотя и не до конца понимали, чего именно.

Это несмотря на то, что на улице был белый день, шумели проносящиеся по дороге автомобили, сустились во дворе детишки, оглашая воздух радостными, звенящими голосами. Вот их-то странные звуки не пугали. Почему? Да потому, что они к ним просто привыкли. Как и мирно судачащие на лавочке под тополем старушки. И другие редкие в это летнее утро соседи. Они отлично знали, что в доме воет не дикий зверь или потустороннее чудовище, жалуясь на свою судьбу.

Никакой мистики или чертовщины! Просто хозяйка одной из квартир принялась за уборку. А за этим занятием, чтобы взбодрить себя, она любила петь. И диковатые звуки – всего лишь маленькая музыкальная импровизация во славу чистоты и порядка. Однако на этот раз она что-то затянулась. И даже привычные старушки стали задирать головы и озабоченно хмуриться.

Дядя Вася, жилец с первого этажа, не выдержал первый. Он вышел из дома. И задрал вверх голову, заорал:

– Кира, хорош глотку драть, девка! Сил нет тебя слушать. Замолчи!

Сидящая на подоконнике девушка с густыми рыжими волосами, замахнувшись яркой голубой тряпкой, состроила соседу потешную рожицу. И затем с удовольствием оглядела чисто вымытые еще весной и только что протертые ею окна. И в этот же момент пение стихло. Соседи вздохнули с облегчением. Уборка закончилась.

– И чего им не нравится? – недоуменно произнесла Кира, спрыгивая с подоконника. – Я же не помой им на головы лью. И не ругаюсь грубо. Подумаешь, исполнила пару опереток. Легкий развлекательный жанр. Чем недовольны?

Но чтобы не ссориться с соседями, Кира решила сегодня больше не петь. Хотя решительно не могла понять, почему популярные мелодии в ее исполнении вызывают мигрень не только у людей, но и у животных. Во всяком случае, ее любимый кот Фантик на время уборки забился в самый дальний угол квартиры. И страдальчески шевелил ушами.

– Кис-кис! – позвала его Кира. – Хочешь «Вискаса» с телятинкой?

Что-то, а покушать Фантик никогда не отказывался. И не его в том вина, он действовал как настоящий мужчина. Поняв, что пытка музыкой закончилась, он выбрался из своего укрытия и с удовольствием зарылся мордочкой в свою миску. А Кира вернулась в комнату. Там еще оставалась пара пыльных уголков.

Однако без пения уборка была не в радость. Ладно, черт с ней, с чистотой. Вот только протрет огромную хрустальную люстру под потолком. И все! Больше ни к чему не прикоснется. Во всяком случае, сегодня.

И решительно притащив из кухни крепкий столик, служивший ей верой и правдой не первый десяток лет, девушка так же радостно взгромоздилась на него и принялась осторожно, подвеску за подвеской, протирать люстру. Это хрустальное произведение чешских мастеров висело тут почти полвека. Без особого ухода висело.

Так что работа над ней не хилая была. Подвесок, бусинок, бус и висюлек на люстре имелось множество. А пропусти хотя бы одну из них, и вся работа насмарку.

Сосредоточившись на хрустальных заморочках, Кира от усердия даже язык высунула, двигаясь по кругу. И вдруг... Внезапно Кира ощутила, как твердая надежная поверхность под

ее ногами куда-то ускользает, а сама она летит со страшной двухметровой высоты прямо на паркетный, даже не застеленный ковром пол.

– Бу-м-с!

Соприкоснувшись с полом всем телом и головой, Кира прикусила язык. От жуткой боли у нее даже в глазах потемнело. Некоторое время она не могла ни о чем другом думать. Только мычала и трясла головой. Наконец боль в прикушенном языке немного стихла. И Кира обнаружила, что, во-первых, на нее смотрят два огромных кошачьих глаза, а во-вторых, она не почувствовала своего тела. Что-то с ним было не так. Но что именно? Это Кира пока сказать затруднялась. Фантик понаблюдал за хозяйкой некоторое время, убедился, что шевелиться она не собирается, и ретировался.

Когда же Кира попыталась подняться на ноги, чтобы пойти в ванную и прополоскать собравшуюся во рту кровь, она не сдержалась и завопила в голос. Спину пронзила такая резкая боль, что по сравнению с ней боль в прокушенном языке была милой шуткой. У Киры даже ноги отнялись. Во всяком случае, она снова шлепнулась на пол.

Несколько минут она лежала, пытаясь прийти в себя. Затем собралась с духом и повторила попытку.

– Ой! Оай! Уй!

Из кухни снова примчался Фантик, который обеспокоенно закрутился возле хозяйки.

– Мур-р? Мя-уу!? – допытывался он.

– Ох! Ай! Плохо мне!

Но что ни кричи, а шевелиться Кира не могла. Слишком было больно. Полежав еще немного, Кира почувствовала, что, во-первых, замерзает. А во-вторых, что ей не обойтись без посторонней помощи. И кого же она могла призвать к себе в столь отчаянном положении? Мужчину? Мужчина у Киры был. Но именно в данный момент он находился в отъезде. Впрочем, вполне закономерное жизненное явление. Когда вам ваш мужчина позарез нужен, вы его днем с фонарями не найдете. Зато когда он не нужен, будет обивать ваш порог до посинения. Не столько своего, сколько вашего.

Однако все это философия. А вот на практике Кира могла позвать на помощь только свою подругу Леся. Жила Леся в этом же доме, и ее появление не должно было затянуться надолго. Во всяком случае, Кира надеялась, что подруга появится прежде, чем сама Кира окоченеет от холодного ветра, который вдруг принялся задувать в открытое окно.

Да, такова la vie! Еще минуту назад Кира была здорова и распевала во все горло под теплым солнышком. А теперь погода на улице резко изменилась. Набежали тучи, поднялся пронизывающий ветер, и даже начал накрапывать дождь.

Вот уже и родители во дворе, похватав своих чад, разнесли их по домам. А Кира все еще ползла к телефону. Передвигаться она могла только по-пластунски, да и то с большими предосторожностями. Но все же она неуклонно приближалась к заветной цели.

К счастью, по случаю уборки телефон стоял на полу. И Кира попыталась облегченно вздохнуть, протягивая к нему руку. Страшно было представить, если бы он висел на стене, то есть на своем обычном месте.

– Алло, – несчастным голосом произнесла она в трубку после гудка, – Леся, это я! Ну да, я – Кира! А кто еще может тебе звонить, кроме меня! Ладно, не злись ты! Леся, мне плохо!

– Мне тоже скверно на душе, а ты еще тут звонишь и подначиваешь!

– Леся, я не то хотела сказать! Мне в самом деле плохо!

– И мне плохо!

– Мне плохо физически! Морально тоже плохо, но физически просто невозможно.

– А что случилось?

– Я упала! И кажется, сломала спину. Во всяком случае, я теперь не могу шевельнуться. Приходи ко мне, а? Может быть, мы еще успеем попрощаться.

Ответа Кира не услышала. Но за мгновение до того, как в трубке раздались короткие гудки, она услышала топот Лесиных ног, словно та перебирала ими на месте, готовясь резко стартовать. И потому Кира совсем не удивилась, когда буквально через минуту сквозняк стал сильнее, а на пороге ее квартиры появилась Леся.

– Ох! – испуганно отшатнулась она от Киры, когда та подняла ей навстречу голову. – Тебя что, вампир покусал?

– Почему?

– Или ты кого-то загрызла?

– С чего ты это взяла?

– А вот посмотри на себя!

И Леся ловко подсунула Кире маленькое карманное зеркальце, которое схватила со стола. Увидев в зеркале свое отражение, Кира испуганно вскрикнула. Губы, подбородок и щеки были измазаны в крови. А бледное лицо кривилось в страдальческой гримасе.

– Ну, да, – подтвердила Кира. – Язык я себе тоже прикусила.

– А... всего-то..., – успокоилась Леся и тут же снова встревожилась. – А что еще?

– Еще в спину вступило. Не пошевелиться.

– Бедная! Тогда тебе не стоит лежать на холодном полу.

– Будто бы сама не знаю! – разозлилась Кира. – Встать не могу! Помоги мне добраться до кровати!

На это у подруг ушло около четверти часа. Потом Леся по просьбе Киры помчалась в ближайший магазин строительных материалов. Зачем туда? Затем, что там она приобретала для любимой подруги лист самой лучшей фанеры, которая только нашлась в магазине.

Когда Леся волокла его на себе по улице, то чувствовала себя словно на гребне волны. Фанерный лист трепетал в ее руках не хуже паруса. И норовил треснуть по лбу, локтям, коленям и другим выступающим частям тела – мягким и не очень.

– У-уф! – пропыхтела Леся, вваливаясь со своим трофеем в квартиру. – И зачем, хотела бы я знать, тебе эта фиговина?

– Сюда положим.

И Кира похлопала рукой по постели.

– С ума сошла? Зачем?

– Чтобы лежать на ней. Чтобы спине жестко было.

– У тебя же ортопедический матрас на кровати!

– Он недостаточно жесткий, – капризничала Кира. – Клади, я знаю, что делаю.

Спорить с больным человеком Леся не стала. Опасаясь, что у Киры травмирована не только спина, но и голова, она тем не менее ловко подсунула фанерный лист под подругу. Прикрыла сверху мягким пушистым покрывалом, и Кира опустилась на приготовленное ей ложе. Впервые с момента падения она рискнула улыбнуться.

– Вот так другое дело.

– Удобно? – недоверчиво осведомилась у нее Леся.

– Не то слово!

– А спина?

– Спина болит, но уже меньше.

И в подтверждение своих слов Кира сделала попытку пошевелиться. Немедленно ее лицо исказилось от боли.

– Вот ведь дьявол! – вырвалось у нее.

– Болит?

– Да!

– Может быть, вызвать врача?

– Какого? – рассердилась Кира. – Участкового ортопеда? Таких не бывает!

– Но можно заплатить деньги, придет специалист.

– Само пройдет!

Все же Леся не решилась оставить подругу без лекарств. Она быстренько смоталась в аптеку. И переговорив там с многоопытной провизоршей и с целой очередью таких же страдальцев, в разное время маявших со спиной, накупила целую коллекцию согревающих, раздражающих и обезболивающих средств против ревматических, радикулитных и неврологических болей.

– Начнем вот с этого, – решила Кира, выбрав самый неприглядный тюбик. – А то знаю я их! Раскрасят свой товар во все цвета радуги, а толку – ноль.

– Не скажи.

– Ты будешь со мной спорить? С беспомощной калекой? Мажь, давай!

И Леся намазала. Кира полежала, задумчиво прислушиваясь к своим ощущениям. А потом сказала:

– Намажь еще чем-нибудь.

Леся намазала. А потом еще и еще.

– И давай для верности перцовый пластырь сверху! – расщедрившись, предложила она, когда запас тюбиков подошел к концу.

Кира идею с пластырем одобрила. Мазаться разными пахучими, липучими и не очень мазями, кремами и гелями ей уже надоело. А вот пластырь – дело другое. Прилепил его и порядок. Лежи, грейся.

– Отлично! – заявила она, когда ее спина украсилась внушительным куском пластыря. – Сразу горячо стало. Чувствую, скоро отпустит.

Последнее слово очень кстати напомнило Лесе, что у нее у самой на сегодняшний день была запланирована целая куча дел. И в частности, визит в офис их с Кирой общего детища – туристической фирмы «Туда и обратно». Детище раскручивалось тяжело. Конкуренция была велика и буквально наступала на пятки. Но все же подруги не сдавались. А сейчас как раз лето, туристический сезон в разгаре. Так что Кирина болячка оказалась удивительно не ко времени.

– Иди, иди, – милостиво кивнула подруге Кира. – А я тут полежу, книжечку читаю.

И она извлекла из-под подушки небольшую книжку в яркой цветастой обложке. Видимо, на книги пренебрежение Киры к броским цветам не распространялось. Видя, что ее подруга устроена с максимальным для данного случая комфортом, Леся принесла Кире из кухни сок, тарелку с бутербродами и вазочку с ее любимыми конфетками «Рафаэлло». Не забыла и о мобильной связи. А сама выскользнула за дверь.

Но не успела она дойти до своей квартиры, чтобы переодеться, схватить сумку и отправиться наконец на работу, снова зазвонил телефон.

– Печет! – прокричала Кира диким голосом. – Горю! Сгораю!

В полной уверенности, что с Кирой случилось очередное несчастье (видимо, на этот раз пожар), Леся опрометью ринулась назад, недоумевая, как беспомощная Кира умудрилась добраться до спичек и устроить поджог. Ворвавшись в квартиру к подруге, Леся первым делом принялась, чтобы определить источник возгорания. Дымом не пахло. Совсем не пахло. И тем не менее из комнаты, где находилась Кира, доносились жуткие вопли и стоны.

Устремившись туда, Леся обнаружила свою подругу, которая, вместо того чтобы чинно благородно лежать на спине, извивалась, скользя животом по фанере, совершая броски не хуже змеи. В ее-то положении! Обе ее руки при этом судорожно шарили по спине.

– Сними его! – завопила Кира, едва увидев Лесю. – Немедленно!

– Кого?

– Пластырь! У меня вся спина сгорела! Умираю!

Леся подскочила к подруге. И ужаснулась. Из-под белого куса пластыря во все стороны растекалось большое красно-багровое пятно. Ожог! Одним движением Леся содрала пластырь. Кира взвыла в последний раз и затихла. А потом осведомилась:

– Ну что там?

– Ничего, – бодро соврала Леся. – Покраснело немножко.

– И все?

– Все.

– А пекло так, словно меня кипятком обварили, – пожаловалась Кира. – Прямо до слез.

– Сейчас снимем все это кремом. И вызовем врача.

– Что? Так плохо? Леся, не скрывай, там глубокий ожог? Кости видны?

– Нет же, не выдумывай. Там только небольшая краснота.

– Тогда зачем врач? – моментально сообразила Кира. – Врача не нужно. Смой с меня всю эту дрянь. И проваливай уже на работу.

Леся с помощью ватки и «Детского» крема сняла со спины часть намазанного. А потом принесла из ванны мисочку с теплой водой. И осторожно намочив тряпочку, приложила ее к Кириной спине. Кира взвыла не своим голосом и дернулась. Тряпочка полетела в одну сторону, а тазик с водой почти полностью остался на Лесе, окатив ее с головы до пят.

– Ты что?! – вопила Кира. – Ты зачем кипятком на меня вылила?

Леся, новенький хлопковый костюмчик которой стремительно промок, тоже ощутила, что водичка была, пожалуй, чуть теплей, чем следовало бы. Но точно не кипятком. Видимо, обожженная спина Кире стала чересчур чувствительна к термальным перепадам. А Леся этого не учла.

Но во второй раз она такой ошибки не сделала. И процедура омовения прошла удачно. Смазав пострадавшую спину подруги на этот раз обычным сливочным маслом, Леся на дрожащих ногах смогла доковылять до своей квартиры, хватить там пятьдесят граммов коньячку и свалиться в кресло. Ухаживать за такой беспокойной больной, какой оказалась Кира, было потяжелее работы в офисе их турфирмы в разгар сезона.

«Отдохнув» на работе за день, вечером Леся вернулась снова к больной подруге. Кира лежала в той же позе. И встретила подругу ворчанием:

– Где тебя носит? Помоги мне доковылять до туалета!

Потом Кире понадобилась косметика, помыть голову, покормить Фантика, снова косметика, но уже декоративная. А когда она велела распаковать свой новый шелковый пеньюар с пышными кружевами на рукавах и воротах, Леся насторожилась:

– Зачем это ты наряжаешься? В гости ждешь кого-то?

– Должен прийти Еремей.

Леся открыла рот. Еремей был близкий, можно сказать, личный друг Кире. И по совместительству следователь по уголовным делам. И что в их с Кирой отношениях преобладало – личное или служебное, Леся сказать затруднялась. Потому что следователь явно питал к Кире теплые, даже горячие чувства. А вот она сама... Пожалуй, ее подруга в какой-то степени пользовалась его слабостью.

– Я сказала, что заболела. И он тут же вызвался приехать и ухаживать за мной.

– Отлично!

Лесе и в самом деле понравилась эта идея. Если Еремей выдержит больную Кире со всеми ее капризами, прихотями и прожорливым Фантиком в придачу, то ему, Еремее, положено не только памятник поставить, но и со спокойной душой всучить ее любимую подругу до скончания его или ее дней. А если нет... Ну, что же, на этот печальный случай она – верная подруга – всегда поблизости.

И с легким сердцем Леся отправилась к себе домой. Два дня Кира ее своими просьбами не тревожила. Звонила только для того, чтобы похвастаться, как у них с Еремеей все чудесно.

Леся наслаждалась предоставленной ей свободой и моталась по городу по делам фирмы. Но на третий рано утром в квартире Леси раздался звонок. И сумрачный голос Киры сообщил ей:

- Он удрал!
- Кто?
- Кто! Кто! Будто бы сама не понимаешь! Следовательно!
- А-а-а! А Фантик?
- При чем тут Фантик?
- Он не удрал?
- Его еще вчера забрала Стефанида Петровна.

Стефанидой Петровной звали одну немолодую женщину, посвятившую свою жизнь непростому хобби – кошкам. А точнее сказать, выведению новой кошачьей породы. И Фантик из всех своих немалых сил служил, если можно так выразиться, на благо этой идеи. От него было получено такое обильное потомство, что, на взгляд самой Киры, хватило бы на десять новых пород. Но Стефанида Петровна была все еще недовольна результатами. И Фантик продолжал свою благородную миссию.

– И представляешь, как она его забрала, так я и стала замечать, что Еремей все чаще на дверь поглядывает, – жаловалась Кира подруге. – Честно говоря, мне даже кажется, что последние сутки он тут только ради кота и оставался. На меня ему плевать!

- Вовсе не плевать!
- Мне лучше знать! Я ему говорю, принеси мне, Ерёмушка, гад такой, водички. А он!?
- А что он?
- Вместо того чтобы спросить, с газом мне нести, из холодильника или, может быть, с кусочком лимона, притащил стакан из-под крана.
- Так уж из-под крана?! – не поверила ей Леся.
- Ну, разве что отфильтрованной! Но разве я этого от него ждала?

В общем, уход за Кирой оказался делом непростым. И после побега следователя Леся порядком уставала. И, признаться честно, девушка здорово обрадовалась, когда через пять дней с момента падения Кира наконец обрела возможность передвигаться самостоятельно. Пусть и в скрюченном состоянии, но это был безусловный прогресс.

– Однако так я ходить не могу, – критически оглядев свою новую осанку и странную походку в большом зеркале в коридоре, заметила Кира. – С этим нужно что-то делать. Причем срочно.

- Так ты похожа на столетнюю старушку.
- Еще чего придумашь!

И Кира от гнева попыталась выпрямиться. Увы, самостоятельно ей это не удалось. Тогда она уцепилась за край двери и попыталась вытянуться на руках. Таким образом она относительно выпрямилась.

- Отлично!

Но едва Кира, устав, присела на стул, как результат тут же сошел на нет. То есть не тут же, но когда она попыталась подняться, то всю процедуру ей пришлось повторять заново.

– Не можешь же ты каждый раз висеть на дверях, – вразумляла подругу Леся. – Иди к врачу! Я узнала телефон одного массажиста – остеопата. Он просто чудеса своими руками творит.

– Чудеса, говоришь? – откликнулась Кира и снова посмотрела на свое отражение в зеркале.

Оно лишний раз подтвердило, что чудо Кире сейчас совсем не помешало бы.

- Давай телефон! – решила Кира. – Во всяком случае, хуже мне уже не будет!
- Это точно! – обрадовалась Леся, снабжая подругу номером телефона доктора-чудесника.

Ах, если бы подруги знали, как сильно они ошибаются! И если бы сама Кира умела предвидеть, какие последствия повлечет за собой ее визит к остеопату, то с клюкой ходить бы стала, а к нему – ни ногой! Но, как известно, задним умом мы все крепки.

И потому Кира, не подозревая дурного и даже, наоборот, полная радужных надежд, что скоро снова сможет нормально передвигаться и даже, при случае, сумеет гордо выпрямиться, отправилась к врачу за медицинской помощью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иван Алексеевич совсем не был похож на важного эскулапа, каким представляла себе его Кира. Он был молод, пожалуй, даже моложе ее самой. И у него были смешные оттопыренные уши. К тому же еще длинные руки и ноги, словно Иван Алексеевич так и не вышел из подросткового возраста. В общем, внешний вид его доверия не внушал. И Кира даже испугалась, что отдаст сейчас себя в эти самые длинные руки.

Но оказалось, что внешность обманчива. Иван Алексеевич был куда старше тех лет, на которые выглядел. И к своим тридцати с хвостиком годам уже успел защитить кандидатскую диссертацию. И теперь готовил новую научную работу по мануальному воздействию на позвоночник при лечении сахарного диабета у детей.

– Даже диабет лечите?

– Не лечим, но можем стабилизировать состояние таких тяжело больных людей, которые раньше делали себе инъекции инсулина по три, а то и четыре раза в день. А с нашей помощью сахар у них выравнивается. И если и скачет, то редко и невысоко.

Это произвело на Киру впечатление.

– А мне поможет?

– Посмотрим.

Под чуткими пальцами врача Кира расслабилась и почувствовала, как боль потихоньку проходит. А спине становится тепло и приятно. И хотя временами Кире приходилось тяжело, остеопат не только разминал, но и давил, и тянул, и стучал, Кира продолжала ходить к нему на сеансы. Потому что ей реально стало легче.

После первого же сеанса она сумела выпрямиться, о чем только и мечтала. И неизбежно почувствовала к доктору симпатию. Теперь он мог бы выглядеть и вообще школьником, отношение к нему Киры не изменилось бы. Ведь это именно он ее спас от унижительной боли, которая крутила Киру столько дней.

– Но вы поймите, одни сеансы вам не помогут. Нужно заниматься лечебной гимнастикой.

И на первом же сеансе Иван Алексеевич предложил Кире распечатки этих упражнений. И даже лично продемонстрировал ей, как их следует правильно выполнять. В общем, учитывая предательство следователя Еремея, отношения между Кирой и Иваном Алексеевичем катились своим чередом и, казалось, имели все шансы перерасти в легкий роман.

Однако со временем Кира стала замечать, что с каждым сеансом ее милый доктор становится все задумчивей и задумчивей. Причину этого странного состояния, Иван Алексеевич объяснил весьма загадочными событиями, которые происходили вокруг него.

– Понимаю, что это прозвучит нелепо и даже дико, но у меня... Кира, у меня пропадают пациенты!

– К-как-к эт-то? – проклацала зубами Кира, по спине которой как раз в этот момент ходил вибромассажер, выбивая на ней своими игольчатыми пальчиками частую дробь.

– Сам не понимаю. Но они исчезают!

– Просто перестают ходить к вам на сеансы?

– Если бы так! Но нет, они исчезают совсем!

Это было так странно, что Кира помимо воли, и несмотря на вибрацию во всем теле, заинтересовалась.

– Как же так? А куда же они деваются?

– Я не знаю!

– А их родные?

– Они сами в шоке. И пропадают преимущественно весьма пожилые люди.

– Телефон у них не поменялся? – предположила Кира, чтобы хоть что-то сказать. – Странно, конечно, что у всех разом, но чего только не бывает.

– Они бы могли меня предупредить. Ведь я обычно ездил к ним домой. А теперь их дома нет. Родственники не смогли мне сказать ничего вразумительного.

– Может быть, эти старички уехали? Не хотели шумихи и уехали потихоньку? По-английски?

– Видите ли... Передвигаться они или совсем не могли, или с огромным трудом. Поэтому я к ним и ездил. Нет, пожилым людям вдруг так резко сняться с насиженного места и уехать... Ведь это так странно, не правда ли?

– Ну, да. И многие пропали?

– Трое, – ответил доктор, снова принимаясь мять и тереть Киру уже голыми руками.

Но они у него были пострашней машинки, поэтому Кире стало не до пропавших пациентов. А еще у нее мелькнула мысль, что старички сбежали, чтобы их не мучили? Или деньги у людей кончились, сказать прямо им стыдно. Вот и прячутся. И Кира выбросила из головы мысль о пропавших стариках или старушках – бывших пациентах доктора Ивана Алексеевича.

Однако когда Кира пришла, верней, приехала (сегодня она отважилась впервые сесть за руль своего не совсем нового, но все же недавно приобретенного ею «Гольфа») к Ивану Алексеевичу в следующий раз, на нем буквально лица не было. Кира даже испугалась. Что с ним? Доктор сидел в своем кабинете за столом неподвижный, словно памятник. И судорожно сжимал в руках сотовую трубку.

– Что с вами? – воскликнула Кира. – Вы заболели?

– Четверо, – дрожащими губами произнес Иван Алексеевич. – Теперь пропало уже четверо моих пациентов.

– Было же трое?

– Сегодня пропал еще один. Лев Самуилович. С его диагнозом еще лечиться и лечиться. Он заплатил мне вперед за десять сеансов. И пропал!

– Если заплатил, еще найдется.

– Не знаю! Мы должны были встретиться с ним сегодня. Но только что мне звонила дочь. Она в большой тревоге. И сказала, что Лев Самуилович исчез еще днем и до сих пор не объявился! Так что она не уверена, стоит ли мне приезжать.

– Когда? Когда он исчез?

Казалось бы, невиннейший вопрос. Но на Ивана Алексеевича он произвел действие разорвавшейся бомбы. Он подскочил со стула и заметался по своему кабинету, порываясь рвать остатки волос на голове. Да, кроме оттопыренных ушей несчастный Иван Алексеевич являлся еще и обладателем внушительной блестящей плешки, которая занимала у него всю переднюю часть черепа и стремительно распространялась на затылочную.

– Вот именно! – вопил Иван Алексеевич, от волнения даже подпрыгивая. – В этом-то и вся соль! Он пропал как раз в тот день, когда мы с ним должны были увидеться!

– Может быть, это совпадение!

– А если нет?

Иван Алексеевич внезапно остановился. И устремил на Киру пронзительный взгляд своих серо-голубых маленьких, но очень ясных и блестящих глаз.

– Что если нет? – повторил он. – Что если я каким-то образом связан с исчезновением этих стариков?

– Каким же?

– О! Я не знаю!

Но, несмотря на свое разобранное состояние, сеанс массажа Иван Алексеевич провел мастерски. Кира ощутила, что легкая скованность в пояснице, которую она почувствовала

вчера вечером, проведя целый день за компьютером, совершенно исчезла. И поблагодарив доктора, она договорилась с ним о дне следующего визита. И ушла.

Домой она не торопилась. Там ее никто не ждал. И к тому же погода стояла чудесная. И Кира решила прогуляться. Благо, спина теперь позволяла ей это делать. Территория больницы, где находился медицинский кабинет Ивана Алексеевича, была густо засажена зеленью. Старые вековые деревья и цветущие кустарники обильно разрослись. И теперь больничные корпуса, выкрашенные в симпатичный терракотовый цвет с белыми деталями, выглядывали из сплошной зеленой завесы.

Кира брела вперед, наслаждаясь теплом, пением птиц и ни о чем не думая. Ей было легко и спокойно. Словам Ивана Алексеевича она не придавала особого значения, считая, что он делает из мухи слона. И вдруг...

– От доктора топаешь! Ишь, сразу видать, разругалась вся! Бесстыдница!

Кира вздрогнула. И огляделась по сторонам. Вокруг – никого. И вначале Кира решила, что голос ей просто почудился. Но нет.

– И не стыдно тебе! У человека трое детей малых, а ты к нему все шастаешь!

Чертовщина! Голос шел откуда-то справа. Кира двинулась в том направлении. И вскоре увидела маленькую упитанную старушку. Она была похожа на круглый мячик, если бы не сердитое морщинистое лицо, увенчанное пышной седой косой, уложенной наподобие короны.

– Чего вытаращилась? – сердито повторила старушеница, пока Кира с изумлением рассматривала ее.

– Вы кто? – вырвалось у Киры.

Но старушка ничего не ответила. Вместо этого она засопела совсем уж сердито и сказала:

– Не доведут Ваньку его шуры-муры до добра! Ой, не доведут! Маринка-то уже какой день места себе не находит! Приструнить бы парня надобно. Да как его приструнишь? Настрогал детей, а сам по бабам теперь шатается.

– Вы это о чем?

И во второй раз старушка не соизволила ответить Кире.

– Ты бы уж отошла от него! – неожиданно мирно попросила она у Киры. – Вижу, девка ты неплохая. Небось, не сказал он тебе про своих троих деток-то?

Про семью Иван Алексеевич в самом деле ничего не упоминал. И потому Кира отрицательно помотала головой. Этот жест старушка поняла. И радостно вскинулась:

– Вот! А я тебе говорю! Тройню ему Маринка разом родила. Ирку, Ванечку и Петрушу. Куда уж ей теперь работать. Здоровье не то. Детей в садик, а сама дома. А сейчас лето, садик закрыт. Они вообще на голову нам сели. И от Ваньки никакого проку.

– Марина – это жена Ивана Алексеевича?

Но старушка не ответила. Это было тем более странно, что у них с Кирой, похоже, намечался конструктивный диалог. Присмотревшись, Кира поняла, в чем причина невежливого поведения старушки. Из уха у нее торчал слуховой аппарат. Но то ли он был неисправен, то ли старушка забыла его включить, но слов Киры она просто не слышала. И знай, талдычила свое:

– Отстанешь от Вани? – требовала старушка. – По-хорошему тебе говорю, отстань. Не по тебе он. Да и Маринка сильно злится. Как бы чего плохого не сделала.

– Кому? – обалдела Кира от такого поворота событий. – Мне?

– А кому угодно, – неожиданно отозвалась старушка. – Женщина, когда она в таком состоянии, личностей уже не разбирает. Кто под горячую руку попадет, тому и достанется. Может быть, и самому Ванятке не поздоровится.

И с этими словами странная старушка заковыляла прочь. Некоторое время Кира смотрела ей вслед, напряженно соображая, что полезного она может извлечь из этого разговора. Но так ничего и не решила, кроме того, что у Ивана Алексеевича, оказывается, очень неспокойная личная жизнь. Ревнивая жена Марина, трое малолетних детей, да еще и странная глу-

хая старушка, похоже, мать или другая родственница жены. Но одно ясно: вся эта орда плотно сидит на шее у Ивана Алексеевича. И слезать оттуда не собирается. И любую пациентку моложе пятидесяти лет, небось, воспринимают как потенциальную угрозу их благополучию.

– Интересно, старушка тут каждый день дежурит, пугая пациенток Ивана Алексеевича? Или они с этой ее Мариной действуют посменно?

И размышляя таким образом, Кира двинулась в сторону выхода. Решив, что в следующий раз обязательно побеседует с Иваном Алексеевичем на эту тему и предостережет того, Кира уже более решительно зашагала к выходу из больницы, где ее преданно дожидался розовый «гольфик». Гулять дальше девушке что-то расхотелось.

Однако Кириному благому намерению не суждено было сбыться. Как оказалось, то был ее последний визит к Ивану Алексеевичу. Когда Кира явилась в следующий раз, ее ждало пренеприятное известие. Иван Алексеевич пропал.

– Не может быть!

– Нашего Ивана Алексеевича никто не видел уже целых два дня, – просветила ее старушка дежурная. – Вот так-то, милая.

Дальнейшие расспросы прояснили следующее: телефон у доктора оказался отключенным. А дома неизменно брала трубку жена (наверное, решила Кира, та самая Марина) и отвечала, что муж уехал. Куда именно, ей не сказал. И когда вернется – тоже.

Это было очень странно. Кира почувствовала себя обманутой. Собиралась, готовилась, тащилась на маршрутках по жаре на сеанс, потому что недавно приобретенный ею взамен старой машины «Гольф» нуждался в техосмотре. И ехать Кире пришлось на перекладных. И все для того, чтобы поцеловать порог? Ах, Иван Алексеевич, могли бы и позвонить, предупредить, что сеанс отменяется!

И тут в душе у Киры тревожно задрезжал тонкий звоночек. Услышав его, Кира задумалась еще больше. Это ощущение тревожного звоночка возникало у нее всякий раз, когда она слышала неправду. Причем человек и сам мог искренне заблуждаться, намеренно не лгать. Но внутреннее чутье Киры было точным. Вот и сейчас, осознав, что она не верит в то, что доктор просто куда-то уехал, Кира напряглась.

– Но, с другой стороны, – пыталась убедить она саму себя, – что с ним могло случиться? Он взрослый человек. Но при этом малость рассеянный. Просто забыл меня предупредить. Подождем. Может быть, к следующему сеансу вернется. Извиняться будет.

И все равно тревога не желала оставлять Киру. А после того как Кира вернулась домой, тревога еще многократно выросла. Причиной тому был странный звонок. Звонивший говорил глухим, хриплым голосом – не поймешь, мужчина звонит или женщина.

– Ну что, допрыгалась? – ехидно поинтересовался этот субъект у Киры. – Пропал доктор, да? Грустно тебе? И с тобой то же самое будет!

– Вы что-то знаете? – воскликнула Кира. – Скажите, что с ним? Где он?

Но трубку уже бросили. Еще один такой же неприятный звонок прозвучал в десять часов вечера.

– Что? Думала, уведешь мужика? Ан, нет! Не получилось у тебя ничего. И не получится уж теперь! И вообще, ты – покойница, на очереди!

– На какой очереди? Куда?

– На тот свет!

И телефон коротко запикал. А потом был еще один аналогичный звонок в час ночи. Ничего, кроме невнятных намеков на исчезновение Ивана Алексеевича, звонивший не озвучил. И у Киры создалось впечатление, что звонят ей исключительно с одной-единственной целью – поиздеваться над ней. И это еще больше усугубило ее тревогу.

– Мне это нужно? – отключив телефон и все равно беспокойно ворочаясь в своей постели, бормотала Кира. – У меня с ним даже дохленького романчика не случилось. А звонят почему-то именно мне! И откуда у них мой домашний телефон? Безобразие!

Что же, мерзкий абонент своей цели добился. К утру, проведя бессонную ночь в размышлениях, Кира пришла к выводу, что с ее личным костоправом точно что-то случилось. И судя по всему, что-то нехорошее. И как бы это нехорошее не перекинулось и на нее тоже. Сейчас еще ладно, сейчас просто звонки. А ну как потом эта ревнивая Марина, почему-то выбравшая именно невинную Киру в качестве козы отпущения, притащится к ней с визитом? И что получится? Да уж, ничего хорошего точно не получится.

И к кому Кира могла пойти со своими страхами? Конечно же, к Лесе.

– Помогай теперь, тем более что это ты меня втравила в эту историю!

– Чего? – вытаращила на нее глаза Леся.

– Ты! Ты! Именно ты дала мне телефончик врача!

– С какой стати? Разве я сделала троих детей этой Марине, а потом начала крутить от нее романчики со всеми смазливymi пациентками?

– Не было у нас с ним ничего! Сколько можно тебе повторять!

– А почему же та глухая старушка думала иначе? И та особа, которая звонила тебе ночью?

– Откуда мне знать?

– А почему эти странные звонки тоже к тебе?

– Не знаю!

– А если подумать?

– Все равно не знаю!

Леся задумчиво устремила взгляд ввысь, а именно – на потолок, а еще точнее – на желтоватое пятно от недавней протечки, из-за которого она все никак не могла решить, ссориться ей с соседями или тихо-мирно замазывать следы от протечки самой. К тому же пятно напоминало очертаниями симпатичного бегемотика. И этим оно даже нравилось Лесе.

– Знаешь, что? – произнесла она, вдоволь налюбовавшись на пятно.

– Что?

– Думаю, тебе нужно просто забыть обо всей этой истории.

– Как это?

– Да очень просто! Спина у тебя не болит?

– Почти прошла.

– Вот видишь! А раз ты ни в чем не виновата, просто не ходи больше к этому Ивану Алексеевичу. И мало-помалу все устанет.

– Да, но...

– Что?

– А как же он? Иван Алексеевич?

– А что с ним? Сама же сказала, не маленький. Выкрутится как-нибудь! Мужчины всегда в жизни устраиваются. Как-то.

Отчасти подруга была права. И все равно Киру мучило беспокойство. По совету подруги она даже отключила телефон. И вдруг раздалась трель мобильного. Номер не определялся. И тем не менее Кира почему-то сняла трубку, хотя обычно с такими подозрительными номерами дела старалась не иметь.

– Алло, – произнесла она.

– Кира? Это вы?

– Да! Да! Я! – страшно обрадовалась Кира, узнав голос Ивана Алексеевича.

– Кира, я вам звоню, чтобы предупредить.

– О чем?

– Вам нужно немедленно уехать из города.

– Зачем?! – опешила Кира.

– Не могу вам всего сейчас объяснить, но, пожалуйста, просто послушайте меня. Так будет лучше для всех. И в первую очередь для вас.

– Почему это? У меня тут работа. Друзья. И вообще...

– Если вы не послушаете меня, то может статься, что ни ваша работа, ни ваши друзья вас больше просто не увидят! – неожиданно сухо и жестко произнес Иван Алексеевич.

И трубка умолкла. Ничего не понимая, Кира выпустила ее из рук. Сердце противно трепыхалось. А в горле стоял комок. Ни фиги себе дела-делишки! Он ей что, угрожает? Или это ему угрожают? И угроза распространяется теперь и на Киру? Но почему? Только потому, что она посещала сеансы доктора? Так мало ли еще народу к нему ходило?

Минуточку! А что там Иван Алексеевич говорил про своих пациентов, которые у него пропадали?

От этой мысли Киру даже в холодный пот бросило. Ну, ничего себе! А что, если эта история с пропавшими старичками коснется и ее лично? Но каким образом? Она же ведь еще не старушка и уж тем более не старичок!

– И что с того? – шепотом произнесла Кира.

Может быть, неизвестный злодей или злодеи решили сменить аудиторию и переключиться на более молодых пациентов доктора? А что? Старичков в запасе больше не осталось. Вот они – эти неведомые пока что Кире злодеи – и сменили ориентацию.

Кире стало по-настоящему плохо. Хотя, казалось бы, чего ей бояться? Но именно неизвестность-то и пугала ее больше всего. И Кира снова помчалась за помощью к Лесе. То есть собиралась помчаться. Но дойдя до двери, внезапно замерла. А вдруг злодеи уже подкарауливают ее на лестничной площадке? И Кира осторожно убрала руку с дверной защелки, за которую уже взялась. И сделала несколько шажков назад. А потом позвонила Лесе и попросила, чтобы та зашла к ней.

Леся не стала ломаться. И быстро пришла.

– На лестнице кто-то был? – бросилась к ней Кира, едва Леся перешагнула через порог.

– Ну-у-у... Были какие-то люди.

Кира схватилась за свое и без того трепещущее сердце.

– Какие?

– Что ты так орешь? Бабушка со второго этажа была.

– Одна?

– Нет.

– А с кем?

Кира ухватила за сердце еще крепче, чтобы оно, не дай бог, вовсе не выскочило у нее из груди.

– С собачкой и внучком.

– Еще? Кто еще был?

Кира немного успокоилась. Не совсем.

– Еще тетка какая-то незнакомая, вроде бы почту разносила по квартирам или листовки какие-то. И двое алкоголиков к нашему Семенычу за спиртом пожаловали.

– А-а! И все?

– Все!

– Больше никого не было?

– Нет! Кира, да что с тобой творится?

Кира многозначительно покивала головой. Мол, я тебе скажу, но ты уж потом не обижайся.

– Вот до чего они меня довели! – пожаловалась подруге Кира, когда посвятила Лесю в подробности своего разговора с Иваном Алексеевичем. – Запугали своими намеками так, что из квартиры выйти уже боюсь!

– И все твои страхи только потому, что какая-то глухая старушка намекала, что у вас с костоправом шурум-бурум? А еще потом тебе принялась названивать его жена и...

– И вовсе не факт, что это звонила именно его жена, – перебила подругу Кира. – Я даже не уверена, что этот человек – женщина. Может быть, эта Марина уже наняла душегубов, прости за каламбур, по мою душу.

– М-м-м, но все равно, бояться не следует. Если ты ни в чем не виновата, то...

– Вот тебе легко рассуждать! Это не тебя в любой момент могут серной кислотой полить.

– М-м-м...

– Да не мычи ты! Посоветуй лучше что-нибудь!

Леся потерела колечко своих светлых волос. За целый год она умудрилась отрастить приличной длины волосы. А все потому, что раньше она секущиеся кончики срезала в парикмахерской, сводя на нет все усилия собственных волос стать длинными, а теперь просто замазюкивала секущиеся или еще только собирающиеся посечься кончики специальным кремом-защитой от PANTENE. Наносить его нужно было постоянно и сразу после мытья головы. Но зато потом не смывать. Волосы при этом не жирели, и кончики (по крайней мере, пока на них был этот бальзам) выглядели здоровыми и шелковистыми.

В общем, благодаря этому волшебному средству, стоящему к тому же (по сравнению с другими косметическими процедурами) сущие копейки, Леся отрастила внушительной длины шевелюру. Завила ее крупными локонами. И теперь чувствовала себя роскошной блондинкой на все сто и даже плюс пятьсот граммов самого лучшего сливочного шоколада.

– Ну, так вот, – произнесла Леся, пораскинув мозгами, – глупо сидеть и прятаться, если ты ни в чем не виновата. Ты должна пойти к этой Марине и прямо ей в лицо заявить, что ничего дурного не сделала. Мужа не соблазняла. И чтобы Марина от тебя отстала.

– Но Иван Алексеевич настоятельно советовал мне уехать как можно быстрее.

– Он же мужчина! – презрительно воскликнула Леся. – А следовательно, трус и паникер!

В словах подруги было рациональное зерно и, опять же, правда жизни. И потому Кира решила последовать ее совету, а вовсе не совету доктора, труса и паникера.

– Да! Пойду! Пойду и прямо этой Марине так в глаза и скажу! Чтобы она от меня отстала!

– Вот и молодец!

– А ты со мной пойдешь?

Леся растерялась. Вообще-то ее план не предусматривал, что ей тоже придется вступить в объяснение с ревнивой супругой Кириного врача. Но не бросать же подругу! Тем более что вдвоем они смогут дать достойный отпор распоясавшейся ревнивице.

И подруги решили, что прямо сегодня отправятся домой к доктору Ивану Алексеевичу. И хорошенько пропесочат его Марину.

– Надеюсь, его домашний адрес у тебя есть?

– Нет, – удивилась Кира. – Откуда?

– Ты же у него лечишься!

– Но в гости мы друг к другу не ходим.

– Но он знает твой домашний телефон и адрес?

– Они записаны в моей медицинской карте.

– А ты никаких данных своего врача не знаешь?

– Почему же? Знаю. Фамилию, имя, отчество. И номер сотового.

Перечисляя данные Ивана Алексеевича, Кира уже смотрела в сторону своего новенького ноутбука, в котором хранилась масса полезной информации. Дружеские и не очень дружеские

фотографии, песенки, книжки про табак и способы его выращивания в домашних условиях крупного мегаполиса, а также база данных всех крупнейших сотовых операторов.

– Вот, вот! – заметив ее взгляд, одобрительно произнесла Леся. – Верно мыслишь. Нужно нанести упреждающий удар противнику на его собственной территории. Я понятно выражаюсь?

– Понятно.

И Кира подскочила к компьютеру. После недолгой дискуссии с ним, они достигли взаимопонимания. И в обмен за чуток вкусной электроэнергии благодарная машина предоставила Кире всю необходимую ей информацию.

– А! Нашла! Ермак Иван Алексеевич в нашем городе всего один. Живет... Ого! Во Всеволожске он живет! Поедем?

– Какая разница? Всеволожск – это все же не Камчатка. Поедем!

И Леся решительно тряхнула головой, отчего ее шикарная прическа чуток растрепалась. И приобрела почти полное сходство с львиной гривой. Да, современные технологии шагнули далеко вперед со времен наших бабушек. Тогда бедным девушкам приходилось травить волосы перекисью или мыть их в ромашке и сушить после на ярком солнце, что вообще являлось делом малопродуктивным. И уж точно хлопотным.

Да-а, как не повезло бабушками, как повезло нам!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всеволожск – совсем небольшой городок, опять же, совсем рядом с Питером. Тем не менее он считался пригородом. Надо заметить, весьма привлекательным для проживания, потому что леса и озера тут были чистейшие. А развитая инфраструктура и коммунальные сети позволяли тем избранным счастливицам, кто купил дачи во Всеволожском направлении, чувствовать себя в загородном доме так же комфортно, как в городской квартире. Только еще лучше благодаря чистейшему воздуху.

Во всяком случае, до сегодняшнего дня подруги считали именно так. Бывать во Всеволожске им приходилось и раньше. Но это всегда были дачи их знакомых, подруг или родственников. А бабушка Киры, когда внучка была еще маленькая, снимала там дачу на все лето. И у Киры сохранились о ней самые светлые и теплые воспоминания.

Но оказалось, что в семье не без урода. Добравшись до нужного адреса, подруги с изумлением смотрели на скопище старых, довольно грязных и уродливых домиков. Почти все они были выполнены без малейшего понятия об архитектурных стилях. Просто к одному крепкому деревянному дому пристраивались по мере надобности пристройки, сарайчики, навесы и даже целые домишки. К тому же покрашенные при царе Горохе и обыкновенно в разные цвета. Выглядели эти строительные шедевры неряшливо и даже жалко.

– Зато участки тут, наверное, золотые горы стоят, – заметила добрая Леся, оценив творения неведомых строителей.

– Да уж. Только дома им цену поубавят. Снести бы все эти скворечники, да на их месте построить новенькие каменные коттеджи.

И Кира показала рукой в сторону, где буквально через дорогу начинались безупречно ровные ряды нового, но уже заселенного коттеджного поселка с типовыми нарядными домами.

– А я не согласна, – заступилась Леся за старенькие домики. – Они такие необычные. Посмотри, среди них нет ни одного похожего на другой.

– Да уж, – снова проворчала Кира. – Индивидуальность из них так и прет, так и прет, куда попало.

Дом, в котором был прописан и обитал Иван Алексеевич, оказался крайним слева от дороги. Красные облупившиеся стены основного дома, желтая гостевая пристройка, зеленый мезонин, светло-салатного цвета мансарда. Все это было защищено деревянным забором, выкрашенным в фиолетовый цвет. Причем в отличие от дома забор явно красился недавно и теперь поражал взгляд ядовито-ярким цветом.

Подруги поднялись на крыльцо приятного розоватого оттенка и постучали в синюю дверь. И они совсем не удивились, когда открывшая им дверь старушка оказалась такой же пестрой окраски. Седые волосы были перевязаны ярко-алой детской ленточкой, кофта связана из остатков шерстяных моточков, цветастая юбка и длинные, опять же, разноцветные, полосатые гетры составляли единый ансамбль несовместимости.

Вид у бабульки, короче говоря, был малость прибабахнутый. Подруги даже засомневались, туда ли они попали. Но услышав про Ивана Алексеевича, бабулька активно затрясла головой.

– Внучек это мой! – не без гордости заявила она. – Дохтур! Спины людям лечит. И дед евовный был той же специализации. По наследству в нашей семье у мужчин энтот талант передается. Муж мой, бывалыча, чуть только до косточки дотронется, уж знает, чем человек болен да что его мучает.

Старушка явно истосковалась по общению. И готова была болтать часами. Уж эта старушенция глухой не была. Длинная, худая и жилистая, она носила свою странную прическу, похоже, не меняя ее лет с двенадцати.

– Бабушка, внук ваш дома?

– Нет, не живет он туточки, – вздохнула старушка.

– А Марина?

– Эт-то кто ж такая?

– Жена его.

– Не-е, – замотала головой старушка. – Путаєте вы, девки. Света у мово Ванечки в женах.

А Маринка – это кто же? Что-то имя больно знакомое.

И она задумалась.

– А со Светой поговорить можно?

– С какой? – живо откликнулась бабка, будто бы только что и не витала мыслями в облаках.

– С женой вашего Вани!

– А хде ж я вам ее возьму? Говорю вам, не живут они у меня!

– А где живут?

– В городе.

– В Санкт-Петербурге? – предположила Леся и оторопела, когда старушка спокойно ответила ей:

– Не, такого я не знаю. В Ленинграде они живут.

Со старушкой все было ясно. В голове у нее все так основательно перемешалось, что веры ее словам у подруг не было никакой. Но и другого источника информации поблизости также не наблюдалось. Дом за спиной старушки был тих и пустынен. Вряд ли тут нашелся бы еще кто-то для дружеской беседы. Приходилось довольствоваться тем, кто был.

– А где именно они там живут? Телефон их у вас есть? – продолжали допытываться подруги.

– А как же! – воскликнула старушка. – Ванечка обо мне заботится. Каждую неделю продукты привозит. И забор вот летом покрасил. Денег мне дал, я краску в нашем магазине купила, а он покрасил. Видите, как красиво получилось?

– Ярко, – выдавила из себя Кира единственный комплимент, который она могла придумать в адрес забора. – А можно нам адрес Вани узнать?

– Не знаю, стоит ли оно того? – засомневалась вдруг старушка.

– Вы у него не были ни разу в гостях?

Этот провокационный вопрос заставил старушку буквально захлебнуться от гнева.

– Мой Ванечка меня к себе сто раз приглашал. И на машине даже в город возил. Была я у них. Он и жить мне с ними предлагал. Только зачем мне? Тут я привыкла. А в городе все чужое. Да и туалет у них в доме, стыдно сказать, прямо стена к стене с кухней. А я к такой антисанитарии не привыкла. Смущаюсь.

Старушка еще долго рассказывала о городском быте ее внука. Но ни разу в разговоре не мелькнули имена правнуков. А на прямой вопрос о детях старушка лишь вздохнула и сказала, что Светка с этим делом чтой-то не торопится.

– Больная она, не иначе, – в завершение беседы сказала старушка. – Вот беда. Бесплодную бабу в жены взял. И за что такое невезение? Хоть бы развелся, другую взял, чтобы потомством оделила.

И, видимо, сочтя, что теперь девушки достаточно введены в курс дела или по иным каким-то соображениям, но продиктовала им адрес своего внука.

– Квартира там новая, – заявила она напоследок. – Годика три назад Ванечка ее купил. Да вы съездите, сами посмотрите. С Ванечкой познакомитесь. А мальчик он у меня хороший. Добрый такой. Работящий. И вина не пьет. И самогона в рот не берет. Разве что после баньки. Так то не грех, то мужчине только на пользу.

Выйдя от старушки, подруги весело переглянулись.

– А бабушка дурочкой только прикидывается, – хихикнула Леся. – А как дело о правнуках зашло, сразу смекнула нас к своему внуку направить.

– Думаешь, рассчитывает, что он в кого-то из нас влюбится и бросит свою Светку?

– А как же? Да у нее на лице было написано: вот посмотрят они друг на друга, познакомятся, а там, глядишь, и дети у моего Ванечки от этих девок пойдут.

Кира покачала головой.

– Только, похоже, Иван Алексеевич уже давно себе на стороне семью завел. С детьми.

– От этой Марины?

– Ну, да.

– О, как! – воскликнула Леся. – Тебя ревнует, а сама мужика у законной жены увела!

– Так всегда и бывает. Кто сам на горячее польстится, тому потом даже на мороженое дуть приходится.

И подружки отправились к неизвестной им пока что Свете, уже заочно сочувствуя женщине. Мало того что муж от нее гуляет и завел себе семью на стороне, так еще и выбрал себе не тихую порядочную женщину, а какую-то дуру припадочную.

Однако женщина, открывшая подругам дверь, меньше всего нуждалась в том, чтобы ее жалели. Это была не просто женщина, а настоящая холеная самка. Больше всего она напоминала породистую персидскую кошку, приготовленную для выставки. На ней был роскошный шелковый халат, расшитый причудливыми узорами. Длинные густые волосы стекали до лопаток шикарной волной. А мягкая кожа лица будто бы светилась изнутри. На вид ей было лет двадцать семь, но могло быть и все тридцать пять. Она явно тратила много времени, чтобы так потрясающе выглядеть.

– Да, я – Светлана!

Произнесено это было с такой гордостью, что подружки сразу поняли: эта особа знает себе цену. Только что она могла найти в невзрачном Иване Алексеевиче с его мальчишеской худобой, оттопыренными ушами и тощими длинными конечностями кузнечика? Впрочем, если он сумел купить и обставить эту квартиру, то ответ напрашивался сам собой.

– Скажите, а мы могли бы поговорить с вашим мужем?

На невозмутимо фарфоровом личике Светланы промелькнула тень недовольства. Но памятуя, что от досады, как и от смеха, образуются морщинки, ее чело тут же разгладилось.

– А его нет дома.

– Но он нам очень нужен.

– Ничем не могу помочь! Мне он тоже нужен. Но его нет.

– А когда вернется?

Светлана вздохнула. Чувствовалось, что ее этот допрос уже начал утомлять.

– Я не знаю.

– А где он?

– Не знаю.

– Может быть, у Марины?

Этот вопрос Кира задала просто так, чтобы вывести невозмутимую красавицу из ее раздражающего спокойствия. И реплика сделала свое дело. Светлана встрепенулась. В ее глазах засветилась тревога. А фарфоровый блеск кожи слегка поблек.

– У Маринки? – фыркнула она. – С чего вы взяли?

– Значит, есть с чего.

– А ну! – отступила в сторону Светлана. – Заходите! Поговорим!

Весь ее выставочный лоск слетел с нее в один миг. Теперь перед подругами была нормальная, не очень юная и не слишком красивая женщина, которая боялась, что муж бросит ее,

уйдя к другой. Может быть, это было и жестоко. Но по крайней мере с этой новой Светланой можно было нормально разговаривать.

– Маринка – жуткая дрянь! – просветила она подруг, едва они присели на мягкую, обтянутую светлым бархатом мебель. – Мы ведь в Питер с ней вместе приехали. Я даже одно время думала, что мы подруги. А она вон чего удумала!

– Хотела вашего мужа увести?

– И увела бы, будь чуточку поумней! – кивнула Светлана. – Так нет же, мало того что тройню ему родила, так еще и мать свою полоумную из Юрьева выписала. А она у Маринки вообще без башни. Всех мужиков поголовно считает скотами, кобелями и не стесняется им это прямо в лицо сообщать.

– Ну и?..

– Не поняли еще? Ваня мой о ребенке только теоретически мечтал. А как трое появились, да все ревут, пеленки пачкают, есть просят, он задумался. Ну а когда еще и Маринкина мамаша на подмогу к ним домой пожаловала, тут уж он и вовсе к Маринке дорогу забыл.

Иван Алексеевич вытерпел в обществе тещи ровно неделю. После чего вернулся домой и упал в ножки к жене, умоляя простить его, дурака неразумного.

– Что же, и детей бросил? – осуждающе спросила Леся.

– Нет, детям помогает. Раз в неделю Марине деньги передает. Но жить с ней не хочет.

И подруги понимали почему. В этом доме его ждала роскошная, холеная женщина, остроумная и в целом уравновешенная. Налаженный быт. Прекрасное благоустроенное гнездышко. Тишина и покой. А у Марины... Трудно даже себе представить, что происходит в квартире, где проживают трое маленьких детишек и две полувменяемые особы женского рода.

– Выходит, у вашего мужа с Мариной ничего нет?

– Было, да прошло, – подтвердила Светлана.

– Не понимаю, – нахмурилась Кира. – Зачем же ее мать меня подкарауливала и упрекала, что я увожу мужа у ее дочери?

– Маринкина мать? Вы уверены? А как она выглядела?

Кира описала встретившуюся ей бабку.

– Да, это она, – кивнула Светлана. – Точно. Кругленькая, толстая, глухая, словно тетерев, злобная, и коса на голове уложена. Точно! Сколько себя помню, она ее всегда так носила. Раньше еще платок на плечи набрасывала.

– Платка не было.

– Значит, по-городскому решила нынче ходить! – хмыкнула Светлана. – Вот народ! Понаехали, а как вести себя, не знают.

Оказалось, что городок Юрьев только что назывался городком. Расположившись на берегах Волги, он на самом деле являлся обычным поселком с частными беленными известкой домами вдоль двух улиц. Народ тут жил простой. Пили, так до упаду, а после веселились таким же образом.

Молодежь в Юрьеве не задерживалась. Окончив школу, все старались свалить из родительского дома, украшенного по фасаду связками красного жгучего перца, чеснока и лука, в дальние края. Вот и Света с Мариной тоже решили попытать счастья где подальше. Разумеется, с теми знаниями, которые они получили в сельской школе, поступить в институт нечего было и мечтать.

Односельчанки все же рискнули, провалились и на этом успокоились. Высшее образование не для них. Но после провала в институт их судьбы сложились по-разному. Светка здраво оценивала свои возможности. И пошла учиться в училище на швею – там давали койку в общежитии и обещали распределение после окончания. А вот Марина решила, что и без образования неплохо проживет.

– Что и говорить, она яркая наша Маринка, – рассказывала Светлана, причем в ее голосе не слышалось никакой злобы. – Мужики на ней так и висли пачками.

Но виснуть-то они висли, а вот жениться никто не хотел. Да и жить с ней дольше полтора-двух месяцев никто не выдерживал. Когда проходил первый угар от обладания ее молодым, потрясающе красивым телом, мужики задумывались, как же быть с такой стервой дальше. Жениться на скандальной молодке никто из них не рискнул. Такого дурака Марине найти не удалось.

Но вдоволь покочевав по разным мужчинам и их квартирам, нигде надолго не задерживаясь, Марина задумалась. Годы шли, а рядом с ней так и не было никакого постоянного защитника и опоры. Зайдя как-то раз к своей бывшей односельчанке, Марина была изумлена тем, как прекрасно выглядит Света, раньше не слишком красивая и привлекательная.

– Что ты с собой сделала? – ахнула, позавидовав ей, бывшая красавица, в уголках глаз которой уже прокладывали себе путь пусть пока и не очень заметные, но такие противные морщинки.

Но Светлана опасности в загоревшихся глазах приятельницы не углядела. И просто ответила:

– Это не я с собой сделала. Это любовь сделала. Муж меня крепко любит. Я за ним как за каменной стеной. Надежней друга у меня нет. Вот и расцвела. А ты как?

– Я? – откликнулась Марина и задумалась.

Что тут ответить? Что длинная череда мужиков прошла через ее жизнь, но не нашелся такой вот влюбленный в нее Ваня? И хитрая женщина решила, что нечего далеко искать, когда такое счастье уже есть, и рядом. Раз муж Светку любит, и ее, Марину, полюбит. Чем она хуже? Ведь лучше даже!

Соображения порядочности Марину не мучили. Своя рубашка была ближе к телу.

– Я вам уже рассказала, чем эта история закончилась, – вздохнув, закончила свой рассказ Светлана. – Ваня сначала запал на Маринку, она это умеет – мужчине голову вскружить. Но потом-то он раскусил, какова ягодка на вкус. И с повинной ко мне вернулся.

– И вы его простили?

– Конечно. Я же его люблю. И он ни в чем не виноват. Это все Маринкины фокусы.

Все это было в высшей степени занимательно, и даже поучительно. Но никак не объясняло, что случилось с Иваном Алексеевичем и где его теперь искать.

– Я так понимаю, что у Марины он прятаться не может? – заключила Леся.

– Такое ему и в страшном сне не привидится. У них всего одна общая комната и детская. Ваня эту квартиру Марине на собственные деньги купил. Думал, что ей и ребенку вполне хватит места. А она сразу троих прикатила. Да еще ее мамаша. Тесно.

– Как говорят, в тесноте, да не в обиде.

– Может быть, так и говорят. Да только бабка ни за что к детям спать не уйдет. Будет в большой комнате за Маринкиной добродетелью бдить.

– Не поздно ли спохватилась?

– Боится, как бы Маринка еще в подоле тройню не принесла, – пояснила Света. – И Ваню, я знаю, старуха к детям не пустит. Так что ему либо на кухне под столиком спать, либо в прихожей на коврик, либо в ванне одеяло постелить и калачиком устроиться.

Что и говорить, местечки не самые соблазнительные. Но Кира помнила, как дрожал голос Ивана Алексеевича, когда он предостерегал Киру от неведомой опасности. Когда человек так напуган, он и под столом, и на коврик в крайнем случае переночевать может.

И подружки решили все же навестить Марину. Тем более что в вопросе ревности с ней еще не все было ясно. Она это звонила Кире или не она?

– Я пойду с вами, – неожиданно вызвалась Светлана.

И не успели подружки изумиться этому ее желанию, как она пояснила:

– Ваня уже два дня как исчез. А перед этим сетовал, что деньги Марине в этом месяце еще ни разу на детей не давал.

– И что?

– Одна я бы к ней не пошла. А с вами рискну.

– Рискнете?

– Ну да. Маринка ведь меня винит в том, что это я виновата, что Ваня с ней жить не стал. Вроде бы я то ли опоила его чем-то, то ли на нее наговорила.

– Ого!

– Да только я тут ни при чем. Просто с Марининым нравом да с ее мамашей и святой под одной крышей не уживется. Да чего попусту говорить. Сами все увидите!

И подружки увидели. Вернее, услышали. Еще поднимаясь по лестнице хрущевки, они услышали пронзительные вопли. Поднявшись на пролет выше, стали разбирать и слова.

– Черти мелкие! Чтоб вам повылазило! Надоели, сил нет. А ну! Убирайтесь к себе в комнату! Нет, стоять! Куда направились? А кто тут за вами дерьмо разгребать будет! Я, что ли?

Светлана приостановилась и вопросительно посмотрела на подруг:

– Слышите? Маринка на своих орет.

– Это она на детей? – ужаснулась добрая Леся, которая считала всех детей ангелочками, даже тех, которые больше смахивали на маленьких дьяволят.

– Маринка и погромче может, – заверила подруг Светлана. – Вот сейчас поднимемся, услышите.

Вообще-то подругам не очень хотелось идти. Вряд ли интеллигентный Иван Алексеевич долго выдержал бы такие вопли. Да при чем тут интеллигентность! Любой нормальный человек поспешил бы удрать от хабалки, чем бы ему это потом ни грозило.

– Кто там? – заорала Марина, когда Светлана, помявшись на пороге, все же нажала на звонок.

И, несмотря на то что стены в этом доме были кирпичные, ее голос прозвучал совсем рядом. Затем дверь распахнулась. И на пороге возникла мелкая чернявая пигалица. Не известно, какой была Марина в юности, наверное, в самом деле ослепительной красоткой. Она и сейчас еще сохранила остатки былой красоты. Но выющиеся темными змейками волосы показались подругам грязными и тусклыми. Большие черные глаза были обведены темными кругами. И вообще, вид у женщины был замызганный и неухоженный.

Но это не умаляло ее боевого задора. При виде Светланы она подбоченилась и, оперев руки в боки, воинственно поинтересовалась:

– Чего приперлась? Звали тебя сюда?

– Деньги принесла. Что? Не нужны?

Марина помолчала, обдумывая. Видимо, здравый смысл все же был ей присущ, потому что следующий вопрос она задала уже куда более мирным тоном.

– А Ванька чего сам не пришел? Занят?

– Уехал он.

– Во дает! – снова начала злиться Марина. – Обещал, что Петрушу сегодня к врачу свозит. Я как дура его жду, а он уехал! Куда хоть?

– Не сказал!

– Могла бы и спросить, небось, язык бы не отсох! И что ты, Светка, за дура такая безответная? Совсем за мужиком не следишь! Ведь уведут же его! А как мы без него будем? Он же просто ходячий кошелек. Что ни попроси, сразу же тащит.

– Но я...

– А ты за ним не смотришь! Думаешь, одна я такая умная оказалась? И поумней меня найдутся. Уведут, как пить дать, уведут у тебя мужика! А все потому, что ты квашня неповоротливая!

Разговор этот был откровенно неприятен Светлане. Поэтому она поспешила вытащить из сумочки конверт и протянула его Марине.

– Возьми! Тут деньги на месяц.

Марина деньги из рук в руки не взяла. Вместо этого посторонилась и сказала:

– Проходи. Сама положишь!

Светлана вздохнула, но послушалась. Пройдя в тесную прихожую, положила конверт у зеркала. И Марина тут же жадно его схватила и, заглянув внутрь, принялась пересчитывать деньги. Пока она шевелила губами, считая бумажки, Кира спросила у Светланы:

– А чего это она?

– В смысле? А! Что деньги не взяла?

– Ну да.

– Боится, что порчу наведу или еще что. Из рук в руки деньги никогда не берет. Суеверная.

Марина тем временем закончила считать деньги.

– Чай будете? – неохотно буркнула она.

От чая все три поспешно отказались. Светлане явно не хотелось задерживаться в этой квартире. А подруги уже поняли, что Ивана Алексеевича тут нет. И Марина совершенно точно не знает, где он.

– Брезгуете?! – немедленно завелась Марина, услышав отказ. – Ну, ясное дело, ты, Светочка, теперь у нас белая кость. Где уж тебе чайком с бывшей деревенской подружкой побаловаться! А этих зачем с собой притащила?

И она невежливо ткнула пальцем с облезшим лаком в сторону подруг:

– Как свидетельниц? Чтобы потом подтвердили, что я, мол, деньги получила? Так не беспокойся, я не такая! Что мне следует, возьму. А больше ни копейки чужой не возьму.

– Ага, – вырвалось у Леси. – Копейки не возьмешь, это точно. Зачем тебе мелочиться? Только вот, если муж чужой вдруг по пути попадется, тогда можно и прихватить, да?

– А чего и не взять, коли без присмотра мужик болтается? – мигом огрызнулась Марина. И повернувшись к Светлане, заявила:

– Я тебе который раз повторяю, следи за Ванькой! Думаешь, я одна такая умная? Полным-полно баб, которые на него позарятся.

– Марина, перестань! – взмолилась Светлана. – Ладно уж, коли тебе это так важно, то давай лучше твой чай пить!

– Это другое дело! – оживилась Марина. – А ну! Брысь обратно!

Этот окрик относился уже к маленькой девчужке, высунувшей кудрявую головку из дверей дальней комнаты.

– Убирайся, я сказала! – злобно заверещала на нее Марина. – Ща кипятком ошпарю! Чтобы глаза мои вас не видели, поганцы!

– Зачем ты так на нее?

– На голове ходят, мать не слушают, пороть их некому!

– У самой рука не поднимается?

– Почему же не поднимается? – пожала плечами Марина. – Порю иногда. Вон и ремень висит. Только силы в руках нужной нет. Все равно шалят.

Да уж, и мать получилась из Марины. Детей можно было только пожалеть. Со злобной истеричкой мамашей и чокнутой бабушкой у них были все шансы вырасти не вполне вменяемыми или даже откровенно больными людьми.

Подруги заметили, что Светлану тоже передернуло, когда Марина принялась орать на детей. Но она промолчала. Лишь ее синие глаза недобро сверкнули. Но Марина ничего не замечала. Из стенного шкафчика она извлекла непечатую бутылку дорогого ликера «Куантро» и сухое вино.

– Что будете?

– Я за рулем, – поспешно отказалась Кира.

– А я ликеры просто не люблю, – сказала Леся. – Мне, если можно, вино.

– И мне, – подала голос Светлана.

Ликер налила себе только Марина. Но налила от души.

– Чего смотришь? – усмехнулась она, поймав взгляд Светланы, которым та сверлила бутылку. – Думаешь, я на Ванькины денежки себя так балую? Детей обедаю, да? Признайся, ведь ты так подумала?

– Он тебе на детей дает.

– А я на них не трачу? – с полуоборота завелась Марина. – Не трачу, да?

– Одежка у них худая в прихожей висит. Да и грязная, – хмуро отозвалась Светлана. – Ты за ней что, совсем не ухаживаешь?

– Заметила, да? У-у-у! Шпионка!

И Марина одним махом опрокинула в себя полстакана ликера. Не смакуя, не наслаждаясь. Выпила как водку или спиртягу. Разве что рукавом не занюхала.

– Приперлась меня учить?

– Не собираюсь я тебя учить.

– И ликер этот, чтоб ты знала, не сама купила. Подарили мне!

– Мне все равно!

– Нет, ты послушай, послушай! – твердила Марина, налив себе еще ликера. – Знаешь, как меня другие мужчины обожали. До сих пор забыть не могут. Вот и ликерчик этот тоже в знак былой любви подарен. Что скажешь, плох подарок? Видала, какие у меня мужчины были! Ничего для меня не жалели!

– Ты бы постыдилась! У тебя же дети! А ты снова за свое?

– А при чем тут дети? – хихикнула Марина, которую неожиданно быстро развезло. – Дети в этом деле совсем не нужны. Эх, уговорил меня Ванька УЗИ не делать. Видите ли, не хотел заранее знать, кто родится. Мальчик али девочка. Да кабы я знала, что у меня тройня выскочит, сразу бы выскребла всех на фиг!

Светлану передернуло. Да и подругам стало не по себе. Марина им активно не нравилась. Как эта женщина так говорит о родных детях! О детях, которые сидят в соседней комнате и, наверное, все слышат. Ужас! Волчица, и та лучшая мать.

– Я и одного-то только, чтобы Ваньку удержать, хотела завести. А уж троих! Да я когда поняла, что из меня второй, а потом и третий лезет, чуть в обморок не упала. Потом рыдала, умоляла врачей не говорить Ваньке, сколько их народилось. В детский дом лишних хотела сдать. Так он, паскуда, под дверями торчал. Сам все узнал! Ненавижу! Всю жизнь мне поломал!

И Марина неожиданно залилась пьяными слезами.

– Да разве о такой жизни я мечтала! Пошла она на...! – давилась она злобой. – Вот тебе, Светка, хорошо. Целыми днями словно королева на троне сидишь. Ни черта не делаешь. Детей не завела, да и не надо тебе! А я бы от своих в любой миг избавилась, да послала бы их к ...

– Замолчи!

От неожиданности Марина икнула и в самом деле замолчала. Светлана поднялась со своего места, гневно глядя на подругу:

– Что ты за человек такой?! Тебе Бог счастье подарил! Трое детей. Да все славные и здоровенькие. А ты счастья своего не видишь. Смотри, прогневишь Господа. Накажет он тебя!

– Пошла ты! – снова поперла на нее Марина. – Учить она меня будет. Говорю тебе, я не такая! Не нужны мне дети. Одна докука от них! Надоели, паразиты!

Голос у Марины был пронзительный. Конечно, дети все слышат! И не такие уж они маленькие, чтобы слов не понимать. Слушать ругань Марины не было никаких сил. Но, к счастью, ту неожиданно стало клонить в сон.

– Утомила я что-то сегодня, – пробормотала Марина заплетающимся языком. – Вроде бы и не делала ничего. А прямо на ходу сплю.

И она в самом деле вознамерилась прилечь прямо за столом. Подругам удалось перетащить ее в комнату. И пристроить на диване. В комнате тоже было довольно грязно. Но вот странно, игрушек по углам было разбросано удивительно мало. Да и детские вещи как-то сиротливо устроились только на одном кресле. Кире доводилось бывать в домах, где и один ребенок умудрялся заполнять собой куда большее пространство. А тут ведь целых трое. Странно.

– Они что, совсем из своей комнаты не выходят?

– Ваня говорил, что мать и бабка редко их оттуда выпускают, – шепотом отозвалась Светлана.

– И гулять не водят?

– Редко.

Маленькие дети, и целый день заперты в комнате, где единственное окно крепко забито. Сидят без свежего воздуха, а никому и дела до этого нет!

– Но сейчас мать спит. А бабки нет. Позовем их?

Светлана колебалась. Но в конце концов кивнула. И все три женщины шагнули в детскую. Дети сидели на кровати, напряженно выпрямившись, и молчали, глядя на незнакомых тетей.

– Привет, – решила первой нарушить молчание Кира. – Вы тут играли?

Глупый вопрос. Будто бы она сама не видела, что ни во что дети не играли. А просто сидели. Но та самая кудрявая девочка неожиданно заговорила:

– Иггали! В поезд иггали! Нас папа везет! Чух-чух!

Услышав сигнал, мальчишки тоже радостно зачухали и запрыгали на кровати, словно в самом деле куда-то ехали.

– Папа тоже едет! Папа едет!

Леся умиленно слушала детский лепет.

– Какие хорошенькие ангелочки! – прошептала она. – Правда, Кира?

Но Кира стояла с каким-то странным лицом.

– Слушай, детка, – шагнула она к девочке. – А куда это вы с папой едете? К морю?

– Нет! Кататься!

– В другой город?

– Далеко!

– А мама с вами?

По лицу девочки скользнула тень сомнения.

– Нет, – покачала она головой. – Мама злая. Мама больная. Мама дома будет. С бабой. А мы с папой. И с тетей!

Кира посмотрела на Светлану. Поняла она или нет? Ее муженек собирался прихватить деток и свалить в дальние страны с какой-то тетей. Интересно, что за тетя такая согласилась взять на себя обузу в виде трех пусть и милых, но еще очень маленьких деток? И в курсе ли Марина о грядущей в ее судьбе перемене? Судя по ее словам, нет. Но все же следовало этот вопрос прояснить.

И оставив Лесю и Светлану забавляться с детьми, Кира вернулась в большую комнату, чтобы добудиться Марину. Но, шагнув через порог, Кира замерла. Возле Марины стояла та

самая глухая старушенция с уложенной седой косой вокруг головы. Сейчас она почему-то всхлипывала, повторяя имя Марины.

– Что с вами? – окликнула ее Кира.

Старуха не обернулась. Ах, да! Она же глухая! И шагнув, Кира взяла ее за плечо. Бабка резко обернулась. И, видимо, узнала Киру. Потому что лицо ее исказилось вроде бы от страха. Она открыла рот и завопила:

– Убила! Убила! Помогите! На помощь! Спасите!

Голос у нее был еще громче и пронзительней, чем у Марины. У Киры зазвенело в ушах. И даже ветер поверх головы просвистел. А старуха продолжала надрываться:

– Убийство! Люди добрые! Да что же это делается! Помогите!

– Что вы городите, сумасшедшая? – возмутилась Кира и тряхнула старуху, совсем забыв, что та ее не слышит.

Но бабка неожиданно обмякла в руках у Киры. И не ожидавшая этого девушка уронила тяжесть на пол. На шум из комнаты выглянули дети и Леся со Светланой.

– Баба! Спит! – обрадовалась девочка.

Мальчики только сосредоточенно сопели, поглядывая на взрослых. Один из них взял за руку Светлану. Другой посмотрел на брата и тоже взялся за юбку Светланы. Так они и стояли все втроем. А Леся подошла к Кире и спросила:

– Что с ней?

– Не знаю! Сначала про убийство вопила. Меня убийцей обозвала. А потом в обморок рухнула.

– Чокнутая!

– Точно!

– Надо Марину будить, пусть со своей матерью сама разбирается. Наверное, ей не привыкать.

– Ага.

И подружки повернулись к диванчику, где они оставили Марину. Выглядела она неважно. Сон явно не пошел ей на пользу. Черты лица заострились еще больше. А сама она словно совсем высохла. Кожа да кости. И где же вся красота? Спящая Марина напоминала восковую куклу. Что-то такое шевельнулось в памяти у Киры. Она хотела предупредить подругу, но Леся уже подошла к Марине и принялась тормозить ту.

– Вставай, соня! Не время валяться! С твоей матерью совсем плохо! Вставай!

Марина не просыпалась. И ее тело двигалось как-то совсем уж безвольно. И внезапно до Киры дошла страшная правда.

– Леся! – вырвалось у нее.

И горло свела судорога. Но Леся и сама смекнула, что дела с Мариной обстоят странно. Отступив на два шага, она прошептала:

– Кира, она... она... с ней... Кира, она же неживая!

И испуганно взвизгнув, Леся отскочила в сторону. Как раз туда, где на полу лежала мать Марины. Споткнувшись о нее, словно о куль с мукой, Леся тоже полетела на пол. Ударилась головой о шаткий столик, с подложенными под его ножки кусочками свернутой газеты. Столик зашатался, и с него посыпалось разное барахло. Катушки ниток, пустые баночки из-под йогурта, почти полная окурков пепельница и даже круглое красное яблоко.

Дети радостным визгом приветствовали это безобразие. Они были малы и не понимали, что с ними случилась самая настоящая беда. И сейчас приготовились повеселиться, гоняясь по комнате за катающимся яблоком и пользуясь случаем, что ни сердитая бабка, ни строгая мать не делают им замечаний.

– Уведи их! – схватив Светлану за руку, зашептала Кира. – Ради бога, уведи их скорей отсюда!

– А Марина... Марина?.. – так и не сумела выговорить Светлана, которая не сводила перепуганных глаз с тела на диване. – Что с ней?

– Не знаю. Она не дышит!

Светлана испуганно прижала руку ко рту, словно бы для того, чтобы не дать вырваться из него воплю ужаса. И посмотрев совершенно круглыми глазами на подруг, кинулась ловить детей.

– Пойдем со мной в комнату! – срывающимся голосом приговаривала она. – Поиграем с тетей Светой!

– Да, да! – запрыгали мальчишки, но девочку больше интересовало яблоко.

– А что у тети Светы есть для своих деточек! – ласково произнесла Светлана, обнимая малышей.

Теперь заинтересовалась и девочка. И все три ребенка дружно засеменили следом за Светланой, бормоча что-то невнятное, но радостное и совершенно не понимая, что же произошло с ними. Проводив глазами детей, подруги переглянулись. А потом помчались вызывать врачей для Марины и ее матери, в глубине души надеясь, что еще не слишком поздно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Но приехавшие врачи лишь сокрушенно покачали головами и развели руками. Жесты интернациональные и в специальном переводе не нуждающиеся.

– Ничего нельзя поделать. Слишком поздно.

А вот Маринину мать они привели в чувство неожиданно быстро. Та села, но увидев тело дочери, затряслась в бурных рыданиях. Так что на вопросы врачей пришлось отвечать подругам. Однако и у них имелись к эскулапам вопросы.

– А что с ней случилось? Почему она умерла?

– Пока трудно сказать. Возможно, сердце подвело. Она употребляла наркотики?

– Не знаем.

– Пила?

– Не... Наверное, да.

– Курила?

– Это да! – воскликнула Леся, вспомнив упавшую на пол полную пепельницу.

Окурки до сих пор были разбросаны по всему полу. Однако следующий вопрос врачей заставил подруг насторожиться.

– А что именно она пила или ела перед смертью?

Ах, какой скверный вопрос! И что им сказать? И вообще, почему они интересуются этим?

– Дело в том, что нельзя также исключать и версию отравления, – заявил один из докторов. – И посему...

Подруги, увы, прекрасно знали, что последует за этим «посему»... Разумеется, врачи вызвали ментов. А те, в свою очередь, принялись ставить всех с ног на уши. И когда они узнали, что Светлана и покойница длительное время не могли поделить между собой одного мужчину, восторгу их буквально не было предела. Напрасно Светлана пыталась им втолковать, что они уже все решили, поделили, и больше передела быть не могло. Менты лишь скабрёзно ухмылялись. И в конце концов предложили Светлане проследовать за ними.

– А вы посидите пока тут! – предупредил подруг один из оперативников, заметив, что девушки также направляются к двери. – И подождите!

Чего им следовало ждать и, главное, сколько, он не уточнил. Но подруги послушно остались, не рискуя навлекать на себя гнев правосудия. В квартире оставалась и мать Марины. И трое ее детишек, которые по малолетству ничего не понимали.

Бабушку, как выяснилось во время беседы, звали Галиной Петровной. Она где-то раздобыла новый слуховой аппарат и теперь более или менее успешно могла участвовать в общей беседе. Только говорить ей следовало погромче. Иначе старушка путалась, и получалась несуразица.

Менты быстро смекнули, что если яд попал в организм жертвы незадолго до смерти, значит, угощалась она вместе с гостями. А так как все остальные пили вино и только Марина – ликер, скорее всего яд был подмешан именно в бутылку с ликером. Услышав это, Галина Петровна горестно взвыла.

– Все наши беды из-за ейных мужиков! – убивалась старушка. – Говорила я Маринке, не доведут они тебя до добра. Один сразу тройняшек заделал. Второй чуть со свету не сжил. И теперь вот.

– А что теперь?

– А вот, пожалуйста! Притащил кто-то из ее хахалей этукую дрянь! Бутылка вроде бы красивая, а на деле что – отравка.

Очень интересно. Насколько могли судить подруги, когда Марина открыла им дверь, она была явно не при параде. Неужели она в таком виде и любовника принимала? Очень странно. Но любая версия требует отработки.

– И кто приходил? Что за мужчина? – заинтересовалась Кира. – Кто именно из кавалеров вашей дочери принес ей этот ликер?

– А я знаю?

– А вчера ликер был?

– Нет! – решительно помотала головой Галина Петровна. – Не было. Вино вот было. Наливка была. И даже водка стояла. А ликера этого дорогущего не было. А вот теперь он есть. А Мариночки нету! Кто же тот ирод, что принес его?

Вид у Галины Петровны был такой несчастный, что подруги поверили. Старушка в самом деле не знает, кто был у ее дочери в гостях.

– Не было меня сегодня с утра дома, – продолжала горевать мать Марины. – Уж я бы на порог этого гада не пустила. Все беды в мире из-за мужиков. И войны они устраивают. И детей делают. И ничего-то хорошего от них ждать не приходится.

Подруги были в корне не согласны с жизненной позицией Галины Петровны. Но она была, похоже, выстрадаана старушкой за всю ее долгую жизнь. И потому спорить девушки с бабкой не стали. Ну, не повезло Марининой матери, встречались ей не мужчины, а одни сволочи. Теперь уже поздно что-либо менять.

И вместо философской дискуссии Кира спросила:

– А как получилось, что вас сегодня целый день дома не было?

– Так уснула она меня! – всхлипнула Галина Петровна. – Знала, наверное, что к ней хахаль придет. Вот и схитрила.

– Почему?

– А я бы их сучье племя на порог не пустила. Ваньку, и того дальше прихожей не пускала.

– Почему?

– Хватит потому что! Наделал тут делов, кобель проклятый. Нам теперь расхлебывать. А ему и горя мало!

В общем, с одной стороны, Галина Петровна винила мужчин своей дочери в том, что они не желали оставаться с ее дочерью. Но с другой – сама всячески не допускала их. И кто после этого поймет сердце женщины? Особенно если она мать, да еще и теща в придачу?

– Со вчерашнего вечера еще такая странная была! – убивалась Галина Петровна. – Мне бы сообразить, что ждет кого-то. Ан нет! Не поняла. Верно говорят, коли господь хочет наказать человека, он отнимает у него разум. Деточка! Не смекнула твоя маманя! Не поняла! Не уберегла! Не почуяла! О-о-о!

Оставив Лесю утешать плачущую старушку, Кира отправилась в детскую. Но беседа с присмирившими детишками ничего нового не дала. И лишь косвенно подтвердила подозрения Галины Петровны. Глядя на Киру чистыми, невинными глазенками, дети твердили одно и то же.

Да, к маме приходил какой-то дядя. И мама заперла их в комнате, велев быть умниками. И не шуметь.

– А мы шумели!

– И дядя скоро ушел.

– А мама очень рассердилась на нас.

Но что это был за дядя, дети, конечно, не знали. И даже если бы и увидели, то, учитывая свой малый возраст, вряд ли сумели бы толково описать гостя. Вернувшись обратно, Кира обнаружила, что Галина Петровна все так же горько плачет.

Но делать было нечего, нужно было Галину Петровну разговорить. Потому что другого шанса подругам могло и не представиться. Обыскав квартиру, Кира нашла пузырек с каплями

валерианы. И от души набухав их в стакан, влила лечебную жидкость в старушку. И снова попыталась добиться от нее чего-то вразумительного.

– С кем ваша дочь встречалась в последнее время?

– Ни с кем! Куда ей с тремя малыми детьми!

– Но вы же сказали, что у нее куча хахалей была. Вы их от порога гонять уставали!

– Точно! Были.

– Ну так?

– Только не встречалась она с ними. Это они так! По старой памяти заглядывали.

Кира насторожилась. Квартира была куплена для Марины уже Иваном Алексеевичем, когда она ждала его ребенка, и он считал себя обязанным позаботиться о будущей матери. И вдруг выясняется, что к этим дверям другие мужчины протоптали настоящую народную тропу, не зарастающую ни днем, ни ночью.

– Как это по старой памяти? – изумилась Кира. – Выходит, ваша дочь изменяла отцу своих детей?

– Ваньке-то? – поморщилась Галина Петровна. – А чего же не изменять, коли он женат? Сам с женой спит, а Маринке одной ночами куковать? Он ведь то тут, то там болтался. Ясное дело, нашла себе Маринка грелку на ночь.

– С пюзом?

– А что такого? Хата есть. Что поесть и выпить тоже всегда имелось. Спасибо, на это Ваня никогда не жадничал. Хорошо Маринку снабжал. Считал, что ей беременной нужно правильно питаться.

– И водку покупал?

– Зачем? Водку это уж она сама приобретала. Или гости приносили.

– Да как же это? Они ведь с Иваном Алексеевичем жили вместе. Или нет?

– А по-разному бывало. Бывало, она с ним поскаandalит, он соберется да и бежать. Ну а Маринке же выговориться нужно. Она к себе кого-нибудь зовет. Водочку выставит, закуску опять же. Ну, мужики и тянулись.

Кире прямо поплохело. Вот это простота нравов! Та самая простота, которая, как известно, хуже всякого воровства.

– Другими словами, ваша дочь изменяла Ивану Алексеевичу?

– Да не изменяла, говорю же я вам! Просто с другими мужиками тоже встречалась.

– И вы об этом знали?

– А чего мне? Пока она с пюзом ходила, так пускай. А как разрешилась, тут уж я строго встала. Хватит мужиков! Больше нам ихних детей не нужно!

– И кто конкретно приходил в гости к Марине? Какие мужчины? Соседи?

– Да, кое-кто и из соседей заглядывал к веселой молодке. Например, из соседнего дома у Марины было целых два кавалера. А что? Очень даже удобно. Им только двор перейти. И уже на месте. И Маринке удобно. Если один не сможет, другой завсегда к услугам готов.

Выяснив приметы и более точное место обитания этих двух всегда готовых к сексуальным услугам мужчин, подруги во второй раз попытались улизнуть. И вторично были задержаны все тем же оперативником. Он уже проводил Светлану, которую отвезли в отделение для дачи показаний, и вернулся обратно.

– Куда это вы все время ушмыгнуть стараетесь? – недовольно проворчал он, столкнувшись в дверях с подругами. – Неужели вам самим не хочется получше со мной познакомиться?

Вот уж чего подругам не хотелось, так именно этого. Хватит с них одного следователя, которого они подцепили прошлый раз, когда влипли в аналогичную историю. Он оказался совершенно не их человеком. Всего пары дней у постели скрюченной болезнью Киры ему хватило, чтобы позорно дезертировать с поля почти супружеской жизни. Нет уж, коли следователь оказался таким дохляком, то чего ожидать от оперативника? Даже и заморачиваться не стоит.

С трудом отвязавшись от страстно пыхтящего и пытающегося изобразить перед ними брачный танец оперативника Сени, подружки наконец выскользнули из квартиры. И помчались через тот самый двор, который, по словам Мариной матери, в прошлом неоднократно пересекали в ночное время двое ее кавалеров.

Оставалось только найти этих счастливиц и допросить их.

– Слушай, а зачем нам-то с тобой это нужно? – допытывалась у подружки Леся. – Раз Марину убили, она теперь не будет доставать тебя ни по телефону, ни так.

– Как? Ты еще не поняла? Это вовсе не она мне звонила.

– Почему?

– Голос не ее.

– Голос можно изменить, особенно если по телефону. И что, скажешь, и мать свою она следить за этим Иваном Алексеевичем не посылала? Ведь именно она на тебя налетела?

– Посылала, – согласилась Кира. – Марина боялась потерять сытную кормушку, потому и старалась, чтобы вокруг Ивана Алексеевича баб поменьше крутилось. И ее можно понять.

– Вот!

– Ну и что дальше? Вряд ли Иван Алексеевич дал бы Марине мой домашний телефон. Отношения у них были более чем сложные.

Да уж, представить себе ситуацию, в которой Иван Алексеевич диктовал бы Марине домашние телефоны своих пациенток, даже Леся при всей ее бурной фантазии не сумела.

– А если она его выкрала?

– Кого?

– Твой номер телефона! Подсмотрела в записной книжке Ивана Алексеевича!

– Он не был у нее уже давно! Вспомни, деньги на детей Светлана только сегодня привезла.

– Ну да, верно.

– И вообще, с чего бы Ивану Алексеевичу записывать мой номер к себе в записную книжку? Мы с ним не настолько были близки.

– Эх, спросили бы у Марины раньше, звонила она тебе или нет, не нужно было бы сейчас голову ломать! – сокрушенно произнесла Леся.

– И не говори, – согласилась с ней Кира. – Это мы с тобой маху дали. Но ведь все так закрутилось! Не успели войти, а у них со Светланой такие бурные страсти кипят, что мои проблемы просто померкли по сравнению с ними. Даже как-то неловко было спрашивать.

– Хорошо, пусть так. Звонила тебе не Марина. Но тогда тем более!

– Что?

– Зачем нам нужно выяснять, кто мог ее убить?

– Ну, ты даешь! Это же убийство! На наших глазах! Почти.

– Но мы не следователи! И не оперативники. Это не наша работа.

– Интересно ты рассуждаешь, если не наша работа, то нас и не касается? А то, что один человек пропал, его любовница убита, а обвиняют во всем жену, ты в расчет не принимаешь?

– Так ты Светлану выручить хочешь? – дошло до Леси.

– Отчасти. И еще хочу понять, какая такая мразь могла отравить женщину – мать троих маленьких детишек.

Леся ничего не сказала. Но в глубине души считала, что любая другая женщина справилась бы с ролью матери тройняшек куда лучше, чем Марина. Что, разумеется, ни в коей мере не оправдывало ее убийцу.

К этому времени подружки уже пересекли двор и дошли до нужного им дома. Один из кавалеров Марины жил в первом подъезде, другой в последнем. Тот, который жил в последнем, обитал на первом этаже. А второй мужчина, хоть и жил в первом подъезде, но поселился

на самом верхнем – пятом этаже. Мужчины носили имена – Василий и Апогей. Кто жил на первом, Василий или мужчина со странным именем Апогей, подруги не знали.

И конечно, логичней да и легче было бы сначала пойти к тому, кто жил на первом этаже. Но оказалось, что подруги стоят возле первого подъезда. И значит, придется им сейчас либо пройти вдоль всего дома, либо карабкаться на пятый этаж. Пешочком. Лифта и в этом доме не было предусмотрено.

– Эхе-хе, – по-стариковски закричала Леся, ступив на первую ступеньку.

Лестница была порядком замызганная. Стены тоже чистотой не блистали. Прямо сказать, прислоняться к ним было просто противно. Перила трогать не хотелось. И дышать, если честно, тоже.

– Ну и домик! – ворчала Кира, плавно перемещаясь от аромата кошачьего туалета вверх к кислой капусте (это в летнюю-то жару!) и дальше – к запаху горелого жира. – Смрад!

– Мрак! – подтвердила Леся. – Жуть!

На последнем этаже дышать стало неожиданно легче. Тут ничего не варили и не жгли. Только из нужной подругам квартиры гремела музыка, которую они слышали еще внизу.

– Похоже, тут весело.

И Кира нажала на звонок. Потом еще раз и еще. Безрезультатно.

– Они не слышат, – догадалась Леся и принялась барабанить в дверь кулачками.

Эта мера дала неожиданный результат. От одного особенно сильного удара дверь жалобно скрипнула, раздался щелчок, и она открылась.

– Войдем?

– Почему бы и нет!

И подруги зашли в квартиру, где часть перекрытий была попросту снесена. Похоже, тут недавно начали ремонт. Во всяком случае, с потолка на стены стекала свежая побелка. А вдоль стены, наподобие заборчика, были аккуратной шеренгой выставлены рулоны с обоями.

Пока подруги разглядывали эту импровизированную изгородь с геометрическими узорами в виде розовых ромбиков и голубых треугольников, в квартире музыка подтихла.

– Что вам тут надо?

Подруги вздрогнули и подняли головы. Перед ними стоял плюгавенький мужчинка в майке и сатиновых трусах. Майка рваная. Про трусы говорить вообще не хотелось.

– Чего надо? – повторил мужчина.

– Мы это... Мы к вам от Марины!

На лице мужчины отразилась напряженная работа мысли.

– Чего надо?

– Про Марину поговорить.

– Это какая же Марина? – произнес он затем.

– Вот из того дома. С тремя детьми.

– А-а-а! Черненькая?

– Да, брюнетка. Была.

Но мужчина на последнее замечание внимания не обратил. Он машинально почесывал свое брюхо и думал.

– И чего Маринке от меня нужно?

– А вы извините, конечно, но все-таки вас как зовут? Василий или Апогей?

– Чего? – набычился мужчина. – Какой еще Апогей? Из последнего подъезда, да? А что? Этот козел к ней тоже шатается? До сих пор?

– Значит, Василий.

– Вот ведь гад! – продолжал свирепеть мужчинка. – Я же ему, козлу пархатому, говорил, чтобы не смел к моей бабе шастать. Ну, теперь я уж точно ему по рогам надаю! Устрою ему самый настоящий апогей. Себя не узнает!

Ага, апогей он собирается устраивать другому. Значит, перед ними все-таки Василий. Теперь это установлено совершенно точно.

– Так у вас к Марине сильные чувства? – спросила у хозяина Леся, видя, как тот сверепеет только при одном упоминании имени соперника.

– Чего? – вытаращился на нее Василий. – Какие там еще чувства? Да мы с ней сто лет уже не виделись. Как ее чумовую маманю с Волги к нам на метелке принесло, так я Маринку больше и не обжимал.

– Почему?

– А где? У нее маманя. А у меня негде.

Подруги удивились. Квартира вроде бы имеется. Так почему бы не тут? Из-за ремонта?

– Из-за жинки моей, – пояснил им мужчина. – Больно уж она у меня ревнивая. Да и живем мы неудобно. Теща через клетку. Дверь в дверь. Вот сейчас жена на даче, а мать свою, небось, на карауле оставила. И если я только бабу приведу, та мигом супруге настучит, курва старая!

– Но Марину вы любили?

– Да не любил я ее никогда! Просто зовет красивая женщина в гости, чего не зайти?

– Но вы же ревновали ее!

– Не ревновал!

– А сопернику по рогам надавать собирались! Сами только что сказали! Не отпирайтесь.

– Я от своих слов и не отказываюсь! – снова заметно свирепея, заявил мужчина. – Только тут дело не в моих чувствах к Маринке. Плевать мне на нее. Но и свое отдать я тоже не отдам. Это что же получается иначе, я делянку застолбил, а разрабатывать ее другой будет? С какого такого перепуга?

Ну и тип! И ведь не шутит! В самом деле искренне считает, что имеет какие-то права на ласку Марины и ее квартиру. Во всяком случае, имел.

– Значит, вы к ней сегодня не приходили? – еще раз уточнила Кира.

– С ликером? – добавила Леся.

Василий даже хрюкнул от возмущения.

– Да чего я ее ликером-то поить должен? С какой радости? Она зовет, она и поляну накрыть должна. И вообще! У меня ремонт! Каждая копейка на счету! Если бы уж потащил бухло, так водку. Сам бы ее и выпил. Не обидно.

Жмот! Хам! Потаскун и гад! Как только с таким жена живет? Марине-то ладно, позвала, поболтала, посмеялась да и прочь выставила. А жене каково каждый день рядом с собой такое чмо видеть?

Но одно было ясно, Василий к ликеру никакого отношения не имеет. Не его стиль.

И когда подруги уже стояли в дверях, Василий неожиданно вспомнил:

– А чего вы приходили-то? Чего Маринка просила мне передать?

– Что? – обернулась к нему Кира. – Просила сказать, что она умерла и больше ее не беспокойте.

И не дожидаясь ответа опешившего мужика, подруги пошли дальше. К Апогею. Помимо важного дела, им было просто любопытно взглянуть на человека, который носил такое редкое и, прямо сказать, необычное имя. Но нужная им квартира оказалась тиха.

Сколько подруги ни звонили, никто изнутри не откликнулся. Зато благодаря тонким картонным стенам, терпение лопнуло у одной из соседок. И она высунула лохматую голову из дверей своей квартиры и сообщила подругам все, что она думает про идиотов, которые устраивают тарарам, когда у приличных людей голова и так раскалывается.

– Простите, не знали, что вы спите.

– Я и не спала!

Подруги осеклись. Птичий пух, который украшал волосы женщины, и одутловатое лицо ввели их в заблуждение. Они-то думали, что пух вылез из подушки, пока тетка давила ее, силясь избавиться от мигрени. И отеки оттуда же.

– Нам ваш сосед нужен.

– Мне тоже много чего нужно! – сердито проворчала в ответ женщина. – Но я же не хожу по чужим квартирам и не трезвоню, беспокоя людей!

– А вы не знаете, где ваш сосед может быть сейчас?

– Ну, вы, девки, даете! Рабочий день! На службе он! Где же мужику еще быть в такое время?

– А когда вернется?

– Совсем вы, девки, стыд потеряли! Прямо к мужику домой претесь!

– Он нам по делу нужен! Когда вернется?

– Я за ним не слежу! Когда ему надо, тогда и вернется! Записку в дверях оставьте. Сам вам перезвонит, если понадобится.

И выдав эту ценную рекомендацию, тетка с грохотом захлопнула дверь, пригрозив напоследок, что, если подруги еще раз потревожат ее хоть единым звуком, она вызывает милицию. Вид у нее был достаточно грозный, чтобы выполнить угрозу. И потому подруги решили не рисковать. И воспользовавшись советом тетки, просто оставили в дверях записку следующего содержания: «Уважаемый Апогей, вы нас не знаете, но мы много наслышаны о вас и очень хотели бы побеседовать с вами и познакомиться поближе. Две страстно влюбленные в вас незнакомки».

Кроме того, подруги в записке указали оба своих сотовых телефона. И ушли, ничуть не сомневаясь, что Апогей позвонит им сразу же, как только обнаружит и прочтет это послание.

– Если нормальный мужик, то сразу же позвонит.

– Надеюсь, что этот Апогей окажется хоть чуточку симпатичней первого – Василия, – выразила надежду Леся.

Но выходя из подъезда, подруги столкнулись с высоким, тощим и порядком обросшим густой страшноватой щетиной типом, который проскользнул мимо них, царапнув своими грубыми джинсам их голые коленки. Лицо этого типа прикрывала низко надвинутая на лоб кепка. И опять же щетина мешала видимости. Но их замечательное чутье заставило подруг остановиться и помедлить. Так и есть! Бородатый обладатель кепки остановился как раз возле двери квартиры Апогея, извлек из кармана ключи и принялся ковыряться в замке.

– Постойте! – вскрикнули подруги, кидаясь обратно. – Вы – Апогей?

Мужчина как раз в этот момент обнаружил в своих дверях записку. Он ее вытащил. Но не успел даже развернуть, как подруги подскочили к нему. И пока Кира заговаривала зубы, твердя про Марину, про троих детей и тещу с Волги, Леся одним ловким движением изъехала записку из рук Апогея. Уф-ф! Успели! Очень им с Кирой надо раздавать номера своих сотовых разным нечесаным типам, одетым в какие-то робы.

Но в отличие от приземленного Василия Апогей оказался романтиком. Марину он вспомнил незамедлительно. И даже дальнейшее описание не понадобилось.

– Зачем вы мне это все говорите? – оскорбленно воскликнул он. – Трое детей, живет через двор. К чему? Разумеется, я помню Марину! У меня не так много знакомых женщин, чтобы не помнить их имена.

Вот в это подруги охотно поверили. Кто на него позарится, на такого обормота бородатого? Прямо даже жалко его становится, бедолагу. А что если, не заводя бодягу с ликером, сразу ему сказать, что Марина умерла? Как он отреагирует?

Апогей отреагировал неоднозначно. Сначала он замер. Буквально помертвел. Даже под щетиной было видно, как кровь отлила от его лица. Кожа побелела настолько, что подруги даже испугались.

– Не может быть! – воскликнул Апогей. – Я вам не верю!

– Это правда.

Апогей посмотрел на Лесю и, видимо, убедившись, что она не лжет, спросил:

– Как это случилось?

– Ее убили.

Апогей судорожно глотнул воздуха. Его грудная клетка заходила ходуном, кулаки сжались, а потом он широко раскрыл глаза, которые оказались у него неожиданно красивыми глубокого карего цвета, и, посмотрев на подруг, воскликнул:

– Значит, он все-таки сделал это! Ах, подлец! Ах, мерзавец! Ублюдок!

И мужчина зарыдал!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отступать в подобной ситуации подруги не могли. Во-первых, им стало жаль рыдающего верзилу. А во-вторых, он явно что-то знал. И потому девушки вцепились в Апогея мертвой хваткой. И под предлогом того, что ему необходимо успокоиться, утешиться и выговориться, настойчиво пригласили пройти мужчину в его же собственную квартиру. А когда тот замешкался, продолжая рыдать на пороге, просто впихнули его внутрь.

– Апогей Сергеевич, что с вами? – раздался женский голос. – Вы что, плачете?

Но подруги уже захлопнули дверь перед любопытным носом все той же соседки, оставив ее наедине с мигренью и снедающим ее жутким любопытством.

– Пройдите в комнату! Сядьте в кресло! Выпейте воды! Успокойтесь!

Апогей покорно выполнял все просьбы, кроме последней. Успокаиваться он не желал, продолжая рыдать. Подруги уже начали бояться, что так и не услышат ничего внятного, но неожиданно Апогей начал говорить. Запинаясь и всхлипывая, но все же заговорил! А по мере того как лилась его речь, ему удалось взять себя в руки. И продолжить свой рассказ уже вполне внятно.

– Не подумайте, что я слюнтяй, – произнес он, словно бы оправдываясь, – просто Марина была удивительной женщиной. Уникальной!

Ага, особенно голос у нее был такой... уникальный. Громкий, пронизывающий буквально до мозга костей. И характер. Стервозный и корыстный. И что этот недотепа нашел в ней? Но, видимо, Апогей умел смотреть на людей каким-то особым зрением, отличным от обычного. Потому что совершенно искренне считал Марину чуть ли не венцом творения.

– Она была такая! Такая легкая! Такая блестящая! И я восхищался силой ее духа. Надо же, не побояться родить троих детей от любимого мужчины, который не мог разделить с ней ничего, кроме своей любви.

– Ничего? Почему же ничего? Разве он не помогал ей материально?

– Он был очень беден! – покачал головой Апогей. – А потом и вовсе погиб.

Это было уже интересно. Оказывается, ловкая Мариночка благополучно похоронила Ивана Алексеевича – отца своих троих детей. И подруги догадывались, зачем она это сделала.

– Ну да, разумеется, я ей помогал! – воскликнул Апогей. – А как же иначе? Ведь ей было так трудно одной!

Побольше бы таких доверчивых недотеп! Только странно, почему же Марина не вышла замуж за своего бородатого доверчивого поклонника? Или он тоже женат? Оказалось тоже.

– С женой мы живем врозь уже больше пяти лет, но развод я пока не оформил. И даже не знаю, как бы я мог его оформить.

– А в чем проблема? – машинально поинтересовалась Кира.

– Дело в том, что моя жена родом из Конго.

– Негритянка?

– Разве цвет кожи имеет значение? Важно, что человек представляет из себя, а не то, какой он расы или вероисповедания. Но мы с моей женой вместе учились в университете. Ну, сами понимаете, студенческая любовь. Мы зарегистрировали свои отношения в российском загсе. Однако после окончания учебы моя жена пожелала вернуться на родину. Сначала она говорила, что едет просто повидать родителей. Но уехав, так и не вернулась.

– Совсем?

– Совсем.

– И вы даже не знаете, где ее искать?

– Я много раз писал по тому адресу, который она мне оставила. Но, увы, безрезультатно. Все письма вернулись с пометкой, что по такому адресу моя жена больше не проживает.

- А через посольство? Ведь есть же у них какие-то способы, чтобы разыскать беглянку?
- Там тоже не знают, где ее искать.

Да уж, раньше подружки думали, что в подобной ситуации обычно трудней всего приходится женщине. Но тут был другой случай. Мужчина попался в ловушку. И выбраться из нее, подружки это прекрасно понимали, ему очень и очень непросто. Раз нет адреса, некуда прислать судебную повестку. А если повестка не вручена, судебное разбирательство по поводу развода будет откладываться до бесконечности. И у бедняги Апогея был шанс оставаться «соломенным вдовцом» еще на долгие годы.

Однако подружки ограничились банальным сочувствием. Их в данный момент интересовала вовсе не супружеская жизнь Апогея. А совсем, совсем другое.

– Как только мы вам сказали, что Марина убита, вы сразу же воскликнули, что это сделал он, – сказала Кира. – Но кто он?

– И почему он это сделал? – добавила Леся.

Апогей тяжело вздохнул.

– Этого так сразу и не объяснишь.

– А вы по частям.

– Это долгая история.

– А мы не спешим.

– Вам многое в ней может показаться необычным.

– Ничего, мы разберемся.

Видя, что от подруг ему все равно не отвяжаться, Апогей снова вдохнул побольше воздуха, отчего его грудная клетка неожиданно широко расправилась, заставив думать, что он куда крепче и сильнее, чем кажется на первый взгляд, и начал свой рассказ.

– Эта история в какой-то мере случилась по вине моей жены, – сказал он. – То есть не то чтобы она была прямо виновата. Но не выйди она в свое время за меня замуж, не пришлось бы мне теперь тратить свое свободное время, бегать по судам и разводиться.

Тем не менее Апогей очень хотел сделать приятное своей нынешней любимой женщине, продемонстрировав ей свой чистый или в крайнем случае украшенный штампом о расторжении прошлого брака паспорт. И не то чтобы Марина особенно настаивала на этом. Нет, просто самого Апогея, который был честным и прямым человеком, тяготила двусмысленность ситуации. Он считал, что способен дать любимой женщине защиту от жестокого мира, а ее детям отеческую любовь и заботу.

В общем, судебная волокита, консультации с юристами и адвокатом отнимали у Апогея гораздо больше времени и сил, чем ему бы хотелось. Кроме того, они требовали новых финансовых затрат. А учитывая, что с появлением в жизни Апогея Марины денег и так постоянно не хватало, положение складывалось просто катастрофическое.

Но Апогей не унывал. Он взялся за несколько халтур, чтобы оплатить судебных крючкотворов и иметь возможность по-прежнему помогать Марине. Зарабатывать ему удавалось прилично, спору нет. Но выкладывался он по полной программе. И кроме того, что было для него обидней всего, не мог видаться с Мариной так часто, как ему бы хотелось.

– А в тот день получилось, что заказчик не смог подъехать вовремя. И просил, чтобы я приехал на следующий день. Я согласился, потому что работы там оставалось совсем чуть-чуть. Только отшлифовать полочки. И в последний раз покрыть их и дверцы лаком.

– Лаком?

– Разве я не сказал? – рассеянно откликнулся Апогей. – Я по специальности реставратор-краснодеревщик. Днем в музее тружусь. А по вечерам по заказам бегаю. И еще домой беру работу, но это уже из антикварного магазина мне подгоняют.

– Всякие там бабушкины комоды и прадедушкины кресла?

– Именно. Это и есть моя работа.

Платили за такую работу совсем даже неплохо. Но выматывался Апогей основательно. И потому неожиданный свободный вечер воспринял чуть ли не с восторгом. Он тут же накопил подарков и помчался в гости к своей любимой. О том, что о своем неожиданном визите он Марину не предупредил, Апогей сообразил только подходя к дому.

Но что за беда? Марина дома. Где же ей еще быть, если они разговаривали в обеденный перерыв, и она твердо сказала, что останется дома, так как чувствует себя неважно. Каково же было удивление, недоумение и даже гнев Апогея, когда, проходя через двор, он увидел Марину в обществе какого-то коротко стриженного типа. Они стояли возле его дорогой, блестящей машины и были сильно увлечены беседой.

Однако, надо отдать должное Апогею, гнев его был направлен не на обманщицу, а на ее собеседника. Апогей ускорил шаг и, подойдя ближе, понял, что его опасения не беспочвенны.

– Представляете, этот человек кричал на нее! Размахивал руками! Угрожал!

– В самом деле? И чем?

– Расправой! Кричал, что уродит ее как последнюю суку, если она, лохушка, не вернет ему его вещь!

– Так и сказал? – ахнули подруги.

– Так, и даже еще грубее. Я при вас не буду дословно повторять его слова, но смысл был именно таков.

– И когда это было?

– Неделю назад. Да, точно. Как раз неделя прошла.

Подруги переглянулись. Интересно. Похоже, в деле появлялся новый персонаж. На новой машине, значит, богатый. Такой вполне мог презентовать Марине бутылку ликера и сказать, что это в знак примирения. А сам набодяжил туда черт знает чего. И отправил Маринку на тот свет.

Но пока что следовало воздержаться от поспешных выводов. И еще немного потрясти Апогея.

– А что еще вы слышали? – затеребили его подруги. – О чем Марина говорила с этим человеком? Что за вещь она должна была ему вернуть?

– Не знаю.

– Не знаете? Не слышали?

– Нет, – смущенно отвел глаза Апогей.

Смущение его объяснялось просто. Оказывается, услышав, как неизвестный коротко стриженный тип оскорбляет Марину, нагло вымогая у нее нечто, чего она отдать или не могла, или не имела такой возможности, или просто не хотела, Апогей, не раздумывая, кинулся на выручку любимой женщине. Он налетел на грубияна, словно буря в пустыне. Хватка у Апогея благодаря его тяжелой работе была не хилой. И наглецу досталось по полной программе.

– Мне он тоже пару раз умудрился врезать, – не без удовольствия поведал Апогей, показывая на уже поджившую царапину на носу и бледный синяк на скуле. – Но его-то я отделал просто на славу!

Видя, что у жертвы появился могучий защитник, грубиян не стал задерживаться. Запрыгнув в машину, он покинул поле боя, но пообещал еще вернуться и закончить разговор. А потом резко газанул с места, не дав Апогею закончить диалог с ним.

– Так он уехал, – нахмурилась Кира. – И вы ничего не узнали?

– Но Марина-то ведь осталась! – воскликнула Леся.

– Конечно, она осталась со мной.

– И как она объяснила вам эту ситуацию?

Апогей развел руками.

– Сказала, что знать не знает этого человека. Что он сумасшедший. Что она вышла в аптеку, так как у нее страшно разболелся зуб, а никаких лекарств в доме, даже обычного анальгина, не нашлось, и тут он на нее налетел.

– И сразу стал требовать, чтобы она вернула ему какую-то вещь?

– Именно.

– Действительно, сумасшедший.

– Вот и я о том же! Я сразу понял, что у парня или не все дома, или же он просто обкуренный.

– Почему?

– Глаза у него были совершенно безумные. Бешеные глаза. Но злился он неподдельно. Я боксом занимался десять лет. Так что сразу вижу, когда человек убить может, а когда просто выделяется.

– И что? Этот человек мог убить?

– Мог.

– Марину?

– И ее тоже. Я вовремя подросел. А то еще неизвестно, чем бы тогда все закончилось.

Этот рассказ оставил у подруг тягостное ощущение, что они чего-то недопоняли. Не уточнили. И они, задавая все новые и новые вопросы, попытались наверстать упущенное.

– Можете подробно описать, как выглядел этот человек?

– Во что он был одет?

– Имел особые приметы? Косил? Хромал?

– Что у него была за машина?

Несчастный, задерганный девушками Апогей не знал, кому из подруг и отвечать первой.

– Стоп! – закричал наконец он. – Отвечаю, но только по очереди!

И откашлявшись, он в самом деле дал подругам полный отчет.

– Одет он был в джинсы и белую футболку. То и другое тянуло на две мои зарплаты. А про туфли я вообще молчу. На них я и за год не заработаю.

– Приметы?

– Не косил, не хромал, татуировок, во всяком случае, на видных местах не имел. Очков не носил. Самый обычный здоровый мужик, только обозлившийся до крайности.

– Цвет волос?

– Какой там цвет? Светлый ежик, а не волосы.

– Цвет глаз?

– Тоже светлые.

– Машина?

– Вот про машину я все вам скажу! – оживился Апогей. – Только с одним условием.

– С каким?

– Вы ведь расследуете убийство Марины?

– Ну да, – с легким колебанием все же признали его правоту подруги. – Вроде того.

– Но вы не из милиции?

– Н-нет.

– Частные детективы?

– Ну-у-у...

– Да без разницы! – с досадой воскликнул Апогей. – Вы мне главное скажите, расследуете вы убийство Марины или нет?

– Да. Расследуем.

– Вот и возьмите меня с собой.

Подруги растерялись.

– Куда взять?

- В гости к этому Олегу.
- К Олегу? Кто это?
- Я же вам о нем битый час твержу! Вы чем меня слушаете?
- А! – дошло до подруг. – Этого мужчину, который угрожал Марине, так зовут?
- Да.
- А вы откуда его имя знаете?
- Марина так его называла.

Ах, она знала напавшего по имени! Выходит, не такой уж он был случайный прохожий, ни с того, ни с сего набросившийся на бедняжку. И подружки решили, что кровь из носа, но они просто обязаны навеститься к Олегу, кем бы он там ни приходился Марине. А их знаменитое чутье подсказывало, что не все в этой истории соответствует версии Марины. И если Апогею так хочется снова встретиться лицом к лицу с Олегом, что же, милости просим.

- Хорошо, – произнесла Кира. – Мы согласны!

Апогей кинулся собираться. Обрато он вернулся, сжимая в руках кастет и внушительных размеров тесак, наподобие тех, каким рубят тростник наемные рабочие в знойном австралийском климате. Только этот был богато украшен позолотой. И имел костяную ручку с резьбой и опять же с позолотой. Тем не менее, даже разукрашенный, тесак выглядел грозным оружием.

- А это еще зачем? – дрогнувшим голосом поинтересовалась у Апогея Леся. – Оружие?
- Понимаю, что вы не одобряете. Но у меня есть на него разрешение!
- На кастет? – справедливо усомнилась Кира, которая знала, что кастеты и прочее ударное оружие на территории России к продаже и ношению вообще не допускаются.
- Что кастет! Главное – это удар. Если кастет вас нервирует, могу взять болт.

И Апогей в самом деле извлек из ящика стола внушительных размеров железяку с резьбой и шляпкой. И сжал ее в руке. Она как раз вся целиком поместилась в его кулаке.

- Теперь ничего не видно.
- Болт не видно, – согласилась Леся. – Ну а нож?
- Нож – это экспонат.
- Но им можно убить!

Апогей нахмурился.

- При желании и зубочисткой убить можно, – сказал он.
- Но этот тесак... Это же холодное оружие.
- Вовсе нет. Он даже продавался без специального разрешения.
- Но им можно убить.

– Я уже говорил, убить можно чем угодно. А тесак... Это просто орудие морального устрашения.

И видя, что девушки все еще колеблются, Апогей произнес:

– А как он Марину? Ему можно, да? Я вас сразу предупреждаю: не хотите, чтобы я вам помогал, сам найду этого мерзавца. Номер его машины я запомнил. Марку и цвет тоже. Так что найти его для меня проблем не составит.

- Найдете, и что??

– Найду и поговорю с глазу на глаз. Так что, если хотите, чтобы парень остался хотя бы жив, поезжайте со мной. Если увидите, что я вхожу в раж, остановите.

Хорошенькая история! Только им для компании не хватало бывшего боксера, вооруженного тесаком и смертоубийственными кулаками. Но делать было нечего. Апогей высказался решительно. И позиции сдавать не собирался.

- Либо со мной, либо я уж сам. А там как получится.
- Оружие оставьте и едем, – хмуро сказала Кира.

После продолжительного торга подругам удалось выбить следующие уступки. Тесак Апогей отдавал на сохранение Кире. Кастет Лесе. А железный болт клал в карман. И без крайней необходимости обещал не использовать.

– Еще один вопрос, – внезапно спохватилась Леся, когда они уже выходили из квартиры Апогея. – Вы сегодня утром были у Марины?

– Мастерская открывается в восемь. И работы полно. Так что у меня времени не было, чтобы к ней заскочить. Да и не встает Маринка в такую рань. А что? Почему вы спрашиваете?

– И потом вы никуда из мастерской не уходили?

– Работы было много, – словно оправдываясь, повторил Апогей. – Я не мог уйти. А что? Нужно было? Думаете, если бы я зашел к Марине, то спугнул бы преступника? И она осталась бы жива?

Ничего подобного подруги в виду не имели. Просто они пытались выяснить, есть ли у Апогея алиби. Похоже, алиби имелось. Но все равно будет не вредно наведаться к нему на работу и уточнить у его коллег и начальства, в самом ли деле он провел целый день на работе. И не выходил ли по какой-то надобности. Однако Апогею тот факт, что его также могут подозревать в убийстве Марины, в голову даже не приходил.

Вместо этого он погрузился в мысли о том, что, оказывается, мог помешать свершиться злодеянию. Но все прошляпил, проведя утро и день в мастерской за срочной работой.

– Пропавши он пропадом этот столик восемнадцатого века. Пусть он весь из себя уникальный, но человеческая жизнь гораздо важнее.

Разумеется, эти переживания так расстроили Апогея, что он снова начал рыдать. В общем, задав напоследок ему тот вопрос, который следовало бы задать первым, подруги ничего не добились. Разве только того, что Апогей совершенно рассиропился.

– Ничего, ничего! – бормотал он. – Это пройдет! Я смогу взять себя в руки. Не беспокойтесь.

– Бедный, мне его жалко, – прошептала Леся на ухо подруге, но оказалось, что у Апогея очень чуткий слух.

– Не нужно меня жалеть! – в бешенстве воскликнул он. – Сказано же, я возьму себя в руки.

В руки он себя брал всю дорогу до дома Киры. Почему туда? Подруги решили доставить своего драгоценного свидетеля к Кире, так как собирались по компьютеру и по имеющейся в нем базе данных проверить этого Олега, владельца темно-синей «Ауди». База данных была скачана для Киры одной из ее приятельниц. И обошлась ей в целую серию мелких знаков внимания и конвертик с ощутимой суммой наличными.

Но то ли имеющаяся база данных ГАИ в компьютере у Киры была неполной, то ли информация на ней устарела, но темно-синей «Ауди» с нужными регистрационными номерами в списках не числилось.

– И что будем делать? – растерянно произнесла Кира, вызвав подругу для конфиденциальной беседы на кухню.

Фантик тоже крутился тут. Стефанида Петровна вернула его еще вчера с горячими благодарностями. И посоветовала кормить обильной и высококалорийной пищей с витаминными добавками, чтобы кот побыстрее восстановил свои силы, потраченные на производство новой кошачьей породы. Кира рассеянно вскрыла банку с кормом. И переложила его в кошачью миску. Фантик радостно взвыл и принялся лопать фарш.

Вид обжиралющегося кота неожиданно натолкнул Киру на интересные аналогии.

– Вот и Фантик снова дома, – произнесла она. – А Еремея нет.

– Что?

– Еремей, говорю, пропал куда-то.

– И не звонит?

– Нет.

– А ты ему?

– Я тоже. С какой стати? Он бросил меня почти умирающую! И я же теперь должна ему звонить? У меня что, совсем гордости нет?

Леся пожала плечами. И проследив за удаляющимся котом, которого от сытости теперь даже пошатывало, спросила:

– А зачем ты сейчас заговорила про Еремея?

– Просто вспомнила. Вот этот человек мог бы нам помочь найти любую машину.

– Вряд ли бы он согласился.

– Почему?

– Помнишь, он в прошлый раз очень нервничал и все повторял, чтобы мы сидели дома и не совали нос не в свои дела.

– Ну, да. Было такое.

– Уверена, если он узнает, что мы снова расследуем убийство, то не захочет нам помочь.

Кира задумалась. На всякий случай она заглянула в комнату. И увидела, что Апогей все так же сидит в скорбной позе. А возле его ног преданно дежурит Фантик, неожиданно проникшийся к странному гостю большой симпатией. Вернувшись к подруге, Кира посмотрела на нее и заговорщицки произнесла:

– А мы Еремею ничего не скажем.

– Нет?

– Нет!

– Совсем ничего?

– Кое-что скажем. Но не правду.

– А что скажем?

– Ну, наврем, что эта «аудюха» стукнула мой «гольфик». И теперь он весь разбитый, а я без денег и без страховки.

– Как это без страховки? – удивилась Леся. – Он не поверит. Сейчас все в обязательку страхуются.

– Тогда скажем, что у меня украли сумочку. И скрылся вор на этой самой машине.

– Он спросит, почему мы не заявили в ближайшее отделение милиции.

– Стоп! – воскликнула Кира. – А это идея!

– Какая?

– Пошли!

Оставив бедного, все еще удрученного своей горькой душой, Апогея в обществе верного Фантика, подруги потихоньку выскочили из дома. И, оказавшись на улице, устремились к ближайшему отделению милиции.

– Учти, – поучала подругу Кира, – ты – жертва ограбления. Но подозреваешь, что это вовсе не ограбление, а дурацкая шуточка твоего кавалера и его дружка по имени Олег.

– И в чем ее смысл?

– Смысл в том, что они украли у тебя сумочку. Но ты не уверена, что это они. И хочешь уточнить имя владельца машины, на которой сидели хулиганы.

– Это они на «Ауди» сумочки тырят? – поразилась Леся. – Ты в своем уме? Это сколько же сумочек нужно украсть, чтобы на новую «Ауди» денег собрать?

– Во-первых, сумочка сумочке рознь. Я тут в «Воге» видела одну из тисненой кожи крокодила и с аметистами, так она за 65 тысяч евро тянула. А на вид ничего особенного. Серенькая такая сумочка с ручкой и с фиолетовыми камушками.

– Не думаю, чтобы обладательницы таких сумочек так и разгуливали по улицам нашего города.

– Это ты права, – согласилась с ней Кира. – Но опять же, ментам не обязательно докладывать, что нужная нам «Ауди» совсем новая и соответственно дорогушая машина.

– А как же?

– Пусть думают, что это ржавое железо, у которого от прославленной марки только и осталось, что название.

– Они все равно узнают правду.

– Это они ее уже потом узнают, когда в базу данных влезут. А наша задача, пока они будут там копошиться, подсмотреть нужный адрес и фамилию.

– То есть мы должны действовать быстрее? И пока они будут соображать, где и как мы их надули, фиксируем в памяти адрес и смываемся из отделения! Пока они нас не успели уличить во лжи?

– Ну да! – радостно подтвердила Кира. – Дошло наконец?

Дойти-то до Леси дошло, но все равно она продолжала сомневаться в успехе их предприятия. Однако Кире такие сомнения были чужды. Цель вижу, в себя верю! Таков был ее девиз в жизни. И она неуклонно ему следовала, иной раз проходя даже сквозь стены. И надо сказать, девиз почти никогда ее не подводил. Гораздо чаще, чем принято думать, Кира выясняла, что чуточку нахальства совсем даже не повредит для успеха очередного предприятия.

Хотя, начиная разговор с ментами, которых собиралась развести, Кира производила впечатление отнюдь не нахалки. Зная, что подобные девицы вызывают у окружающих неизменно стойкую неприязнь, Кира старалась выглядеть удрученной, печальной, испуганной и, конечно же, сексуальной. Против такого коктейля не в силах устоять ни один настоящий мужчина. А Кира надеялась, что, будь у ментов хотя бы один такой на все их милицееское отделение, им с подругой он все же попадется на глаза. А дальше уж – дело техники.

Приметы, по которым подруги вычисляли этого самого настоящего мужчину, были размычаты. Внешность тут особого значения не имела. Но все же кое-какие критерии имелись. Он непременно высокий или, во всяком случае, крепкого телосложения. У него должен быть прямой, ясный взгляд. И главное, он должен немедленно оживиться при виде подруг, пожаловавших в его ореол обитания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.